

Василий Лягоскин

Свет далекой звезды

Книга вторая

Василий Лягоскин
Свет далекой звезды.
Книга вторая

«Издательские решения»

Лягоскин В. И.

Свет далекой звезды. Книга вторая / В. И. Лягоскин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834869-3

Это вторая книга исправленной и дополненной истории о могучем воине и умелом охотнике Свете. Рожденный в глухой деревушке, затерянной в дремучих лесах безымянной планеты, он волею судьбы становится спасителем родной земли и иных миров. Среди них — Земля конца двадцатого века...

ISBN 978-5-44-834869-3

© Лягоскин В. И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 36. Здравствуй, Земля	6
Глава 37. Богатырь земли русской	14
Глава 38. Бегство	23
Глава 39. Тайна Тунгусского метеорита	35
Глава 40. Пожар в тайге	44
Глава 41. Потрясатель Вселенной	54
Глава 42. Земная Обитель	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Свет далекой звезды
Книга вторая
Василий Лягошкин

© Василий Лягошкин, 2016

ISBN 978-5-4483-4869-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 36. Здравствуй, Земля

Все пошло не так. Не с самого начала – где-то с седьмого-восьмого ноль-прыжка. Сначала Свет почувствовал чужое присутствие в рубке. Он резко оглянулся, поймав лишь недоуменный взгляд Михаила. Но недоумение командира «Белки» было связано не с шевелением в соседнем кресле. Его палец ткнулся в прибор на панели, который вдруг поменял зеленый цвет глазка на красный, тревожный.

– Запаса ноль-вещества осталось как раз только до Земли, – глухо сообщил он товарищам, – я не понимаю, как такое могло случиться. Затраты на прыжок столь ничтожны, что нам должно было хватить наших запасов, чтобы слетать до твоего мира, Свет, и обратно на Землю раз десять, если не больше. А теперь вот...

Его палец опять ткнулся в красный огонек на панели.

– И что? – даже вскочил с кресла Мыльников, – если мы сейчас промахнемся...

Суриков не ответил, только укоризненно посмотрел на бортинженера. Даже охотнику была понятна укоризна во взгляде командира корабля. Во-первых, промахнуться Суриков просто не мог. Ну а уж если такое невероятное событие все-таки произойдет – на планетарной тяге до Земли смог бы добраться разве что Свет. Через пару тысяч лет; точной даты не смог бы указать сейчас никто.

А охотник почувствовал, что присутствие чужого разума в рубке чуть изменилось. Теперь к напряженному вниманию присоединилась нотка злорадства. Он понял, что именно таинственный незнакомец, или незнакомцы, причастны к тайной операции, закончившейся на панели управления «Белкой» – в том самом красном огоньке. Свет расплылся сознанием по рубке, не оставляя вниманием его экипаж. Единственное, что смог уловить сейчас охотник – энергия чужого присутствия сродни той, что излучал из себя пришелец из глубин космоса, подаривший ему и землянам так необходимые десять минут. Они – эти минуты – уже истекли, но корабль раз за разом продолжал прыгать в ноль-пространство.

Свет несколько успокоился. Неведомые хозяева существа, которому он дал имя – Звездный Странник – давали им возможность достичь Земли, и это главное. А как потом вернуться домой с Весной и сыном – покажет будущее.

– Главное, – чуть не заставила его оцепенеть в кресле неожиданная мысль, – чтобы они были на Земле!

В свете того, как вольготно распоряжались запасами топлива «Белки» хозяева Звездного Странника, они могли и на «Стрелке», которая к родной планете летела в автоматическом режиме, учинить какую-нибудь пакость.

Корабль вошел в последний, двенадцатый прыжок, когда его ощутимо потрянуло. Нет – не так! Трянуло только Света. Он до сих пор заполнял своим сознанием всю рубку, и теперь – в одно мгновение – это сознание заполнило просто невообразимое количество информации, которое мозг просто не успевал осмысливать. Пожалуй, даже мощный комп корабля не справился бы с этой задачей. А Свет такой задачи перед собой и не ставил. Он плыл по этому океану информации в направлении его источника, который без всяких сомнений находился на близкой уже Земле. Близкой, потому что «Белка» уже вышла из последнего прыжка и сейчас пожирала тысячи километров в обычном космосе, на планетарной тяге.

Михаил уже установил связь с космодромом и в рубку ворвался взволнованный и чуть растерянный голос командора Булгакова. Свет в разговор землян не вмешивался, но уже через несколько минут знал, что «Стрелка» давно вернулась в Курский космопорт. И принесла она на борту единственного пассажира – какого-то сумасшедшего старика, уверявшего, что он является могучим чародеем из иного мира. Про иной мир командор ничего сказать не смог (команда «Белки» об этом знала больше его самого), а вот то, что старик – по словам Булга-

кова – не смог в подтверждение своих слов показать даже простенького фокуса, порадовало охотника – с одной стороны. А с другой насторожило.

– Не здесь ли тот самый мир, о котором говорил Странник, и с которого нет возврата? – мелькнула еще одна тревожная мысль.

Впрочем, один фокус Горну (а это мог быть только он) удался. Он исчез из изолятора космопорта буквально через несколько часов после прибытия. Из помещения, из которого не мог исчезнуть даже микроб...

Корабль опять тряхнуло, и теперь земляне не остались безучастными. Потому что кресло, в котором уже несколько часов сидел Свет, вдруг опустело. Он был здесь, в рубке; по крайней мере, ощущал свое присутствие. Однако в физическом плане его тут не было. Где сейчас находилось его тело; связан ли был этот необъяснимый феномен с информационным лучом, Свет не знал. Главное, что сейчас его занимало – в какой момент нужно было попытаться оторваться от луча?

Рядом шумели вскочившие с кресел космолетчики, и Свет с грустной улыбкой отмечал их искреннее волнение. В даре прорицателя есть свои плюсы и минусы. И чего больше было в нем, не мог сказать никто. Свет – точно. Зато он мог сказать, что видит этих людей, которых стали ему настоящими друзьями, последние минуты. Потому что внизу – а он видел все вокруг корабля без всяких экранов – показались строения космопорта и огромное ровное поле, залитое огнями. Командир «Белки» тут же разогнал экипаж по местам.

Свет в последний раз окинул взглядом друзей, успел заметить, что в дальнем углу искусственного поля стоит копия их корабля и резко дернул всей своей энергетической сутью, которой когда-то с ним щедро поделились звезды. Сквозь удивленные вопли неведомых существ, управляющих лучом информации, он увидел растворяющиеся, словно в тумане, здания космопорта и рубку с людьми. На их месте вырос вековой лес. Он мягко прыгнул на темную, пропитанную влагой подстилку – уже в своем настоящем, физическом теле, и даже с мешком за спиной и мечом, чья рукоятка грозно торчала из-за спины. Охотник прикрыл глаза и глубоко вдохнул осенний, чуть пахнущий прелыми листьями воздух.

– Осень, – прошептал он, – и ландыши тут уже давно отцвели.

Свет успел заметить характерные широкие листья и красные ядовитые ягоды таких знакомых цветов.

На какие-то мгновение ему показалось, что он опять стоит на берегу Русинки, и что не было никакого Узоха, Горна, шахиншахов и других владык. Что не было никакой магии... Он открыл глаза и замер – магии действительно не было. Может, она и была, но охотник ее совершенно не ощущал. Стремительным движением Свет выдернул из ножен меч и закружил свою непробиваемую мельницу. Окружающие кусты стали первыми жертвами его воинского искусства на Земле. Охотник остановился и шумно перевел дух – не из-за усталости (мельницу он мог кружить часами), а потому что понял – прошлое не изменилось, и большой кусок его, связанный с учителем, мастером Ли, тоже.

За деревьями вдруг громко заиграла музыка, и Свет отругал себя – как он мог не заметить совсем рядом какое-то строение! Строением оказался большой бревенчатый дом, украшенный оконными наличниками. Дом был окружен забором из потемневшего ошкуренного горбыля. Хозяин дома (или тот, кого охотник принял за хозяина) тоже наличествовал.

Свет уже был во дворе – прятался от совсем невнимательного паренька за стволом толстой сосны. Она была единственной, что росло на территории, огороженной забором. Кроме порыжевшей травы, конечно. Парень – невысокого роста, но достаточно крепкий, даже на взгляд Света – стоял у открытого окна и слушал песню, грустно осматривая длинные сухие сосновые стволы, которые кто-то умело раскряжевал на полуметровые поленья. Одно полено стояло, «украшенное» колуном, глубоко воткнувшимся в вязкую древесину. Судя по тому, что вокруг не наблюдалось ни садика, ни огорода, парень этот к сельским заботам никаких стрем-

лений не имел. К колке дров тоже, хотя – охотник прислушался к собственным ощущениям – совсем скоро должна была разразиться гроза, и дрова из сухих могли превратиться в очень даже мокрые.

Вообще, судя по взгляду этого парня, устремленного куда-то вдаль, мимо сосны, за которой прятался Свет, он уже видел себя где-то далеко. Скорее всего, был он тут человеком временным, и этот дом родным не считал.

Охотник вышел из-за дерева под изумленный взгляд парня, постаравшись вспомнить, как корона Батурхана дарит окружающим людям родственные чувства. Магии, как он помнил, вокруг не было, но парень действительно улыбнулся, словно встретил давно ожидаемого гостя. А Свет дождался, когда хрипящий музыкальный аппарат допоет: «...Мой адрес не дом, и не улица – мой адрес Советский Союз», – и подумал в удивлении:

– Это в какой же год я попал?

Парень сделал шаг навстречу гостю, и Свет протянул ему руку со словами:

– Мир, тебе, человек. Меня зовут Свет...

...Имя – Александр Васильевич Суворов – было единственным, чем оставалось гордиться Сашке. Больше ничем он похвастать в своей жизни не мог. Разве только тем, что с треском вылетел со второго курса Воронежского лесотехнического института и неожиданно для себя оказался на рядовой должности лесника Ковровского лесокомбината. Здесь его по имени-отчеству назвали всего один раз – при приеме на работу. Назвал директор лесокомбината, Юрий Степанович Назаров. Он, впрочем, называл так всех работников – память у человека была исключительной.

Теперь Суворова все звали просто Сашкой, или Сашкой-лесником. Только «хозяин» соседнего обхода – Володька Угодин – называл его корефаном. Вообще-то он так называл каждого, с кем выпил хоть один стакан самогона. Впрочем, по одному стакану Володька никогда не пил.

Сашка – парень лет двадцати, не очень крепкий на вид, как и его знаменитый однофамилец и тезка – мрачно оглядел огромный деревянный дом. В пятистенке, одиноко стоящем в лесу, раньше жил его дядя. У дядьки Толи он обход и принял. А тот после выхода на пенсию уехал в Москву, к сыну. Теперь Сашка жил в служебном кордоне один. Совсем скоро, поскольку березы и осины вокруг уже оделись в богатый осенний наряд, должна была прийти повестка из военкомата.

А до тех пор (и до нового лесника) нужно было топить две печи. Дрова лежали длинными рядами – там, где длинные сухие хлысты распилил «Дружбой» на одинаковые по длине поленья вальщик дядя Вася Симанов. Не за так конечно – за два пузыря «Пшеничной». Парень заглянул в дровяной сарай – он был пуст. По словам того же Угодина совсем скоро должны были хлынуть дожди. И они требовали немедленно взяться за работу.

Однако настроения у Сашки не было. Он вяло тюкнул пару раз по полену – как на грех сучковатому, не поддавшемуся, даже когда парень стукнул колуном со всего размаха. Толстое острие застряло в вязкой древесине, и Сашка отпустил самодельную рукоятку колуна. Рядом – на подоконнике открытого окна – стоял магнитофон. Этот старенький катушечный «Маяк» привез на кордон Суворов. Рядом стопкой были сложены разнокалиберные бобины, и парень взял первую попавшуюся. Она оказалась старой, еще со школьных времен. Он начал пристраивать пленку. Далеко – от станции Крестниково – донесся гудок, а вслед за ним шум отъезжающей электрички.

– На Владимир, – машинально подумал он, – три часа. Сейчас пойдет встречная.

Словно в подтверждение его слов издали, от станции Гостюхино, рядом с которой располагалась контора лесничества, прогудел другой электропоезд.

– Может, сходить в магазин? – подумал он теперь вслух, собравшись уже нажать на клавишу магнитофона, и пожал плечами.

В доме было полбуханки хлеба, а в магазине, топать до которого было почти полкилометра – а бензина в старенькой «Яве», и в еще более древнем «Восходе» не было совсем – кроме таких же черствых буханок, да рыбных консервов ничего не было. Правда, за Татьяной, продавщицей, был небольшой должок. По весне она срубила баньку (не сама, конечно – муж), и без участия лесника тут не обошлось. Но Суворов не хотел испытывать ее благодарности больше разумного. Остаток «долга» он берег на собственные проводы.

Магнитофон, наконец, натужно заскрипел, начав сразу с середины когда-то популярной песни:

– Мы точки-тире телеграфные,

Ищите на стройках меня...

Суворов повернулся к дровам. В это мгновение от толстой сосны, стоящей отдельно от леса и растущей внутри огороженного горбылем двора, отделилась человеческая фигура. Напротив Сашки остановился незнакомец – высокий, плечистый, могучего телосложения, что было хорошо заметно даже под одеждой странного покроя.

Он дослушал хриплые слова о том, что: «...Мой адрес не дом, и не улица – мой адрес Советский Союз!», – кивнул своим мыслям и улыбнулся.

Сашка заглянул в бездонные голубые глаза, для чего ему пришлось поднять голову вверх. Ему вдруг показалось, что рядом стоит старинный, давно ожидаемый друг. Он понял, что в магазин все-таки придется идти, когда незнакомец протянул ему руку и сказал, четко выговаривая слова – совсем как учительница русского языка в Сашкиной школе:

– Мир тебе, человек, – себя незнакомец словно не относил к человеческому роду, – меня зовут Свет...

Сашка унесся в неведомый магазин, чтобы – как он подмигнул – обмыть встречу по-настоящему. Еще он успел крикнуть, чтобы Свет чувствовал себя, как дома, и охотник тут же воспользовался его предложением. Дом действительно был практически нежилым; Сашка и спал-то в большой кухне, на раскладушке – рядом с печкой и обеденным столом. В небольшом холодильнике (и откуда в памяти всплывали эти названия?) было пусто. Как и в остальных комнатах, кстати. Но и в небольшой белоснежной «Оке», и в комнатах было стерильно чисто, и Свет одобрительно хмыкнул – к армии парень практически был готов.

Его мысли опять вернулись к холодильнику, и он загадочно улыбнулся. Через пару минут Свет был опять в лесу. Теперь в его руках был не меч, а лук со стрелами. Он вздохнул, вспомнив свое прежнее, еще домашнее оружие; посетовал на то, что совсем не было времени наведаться в заросли остролиста – тогда, когда он совсем ненадолго оказался в родных краях. Но и тот лук, что был сейчас в его руках, еще не знал промахов. Охотник бесшумно заскользил меж деревьев, успевая наблюдать сразу и за следами на лесной подстилке, и за ветвями деревьев. А еще он перестал удивляться тому, как окружающий мир похож на его собственный. Разве что двигался он здесь не в пример легче. Но тому было вполне естественное объяснение – еще на Карахане Суриков объяснил ему, что сила тяжести на Земле процентов на двадцать меньше. Поэтому сейчас могучие мускулы охотника требовали усилий, движения; они никак не могли напитаться приятной усталостью после долгого полета в космосе.

Свет плавно затормозил, не спугнув ни дикого поросенка, самозабвенно сражавшегося с каким-то толстым корнем на полянке, ни двух тучных глухарей, с интересом наблюдавших за этой «битвой». Поросенок был великодушно отпущен на дорастивание, а глухари... Глухари с приятным сердцу и желудку стуком упали совсем рядом с кабанчиком, заставив его замереть на месте.

В следующее мгновение дикая свинья пронзительно заверещала и с треском ломаемых кустов исчезла в зарослях. Судя по шуму, там к ней присоединилось целое стадо, такое же испуганное. А Свет тут же приступил к разделыванию тушек. Скоро ничто не напоминало здесь об охоте. Жесткие перья и внутренности глухарей покоились в глубокой яме, куда охотник

по привычке бросил несколько слов – благодарность небу за богатую добычу. Он улыбнулся – вспомнил, как учил ощипывать птичьи тушки Аниюту Кондурову. Но улыбался он уже на ходу, выискивая машинально что-то... Стоп! На берегу мелкого ручейка обнажился пласт красной глины, и большой ком этой естественной заготовки для праздничного ужина Свет тоже прихватил с собой.

Скоро за домом – чтобы не портить парадный вход пепелищем – весело пылал костер; глухарь, обмазанный глиной, ждал своего часа. А Свет взялся за колун. Энергия бушевала в его теле, истосковавшемся по нагрузкам, и гора колотых дров росла рядом с охотником буквально с каждой минутой. Он отвлекался лишь для того, чтобы поправить костер; потом заложить по рецепту племени тутси обмазанного глиной глухаря в обжигающе горячую землю, которую тут же закидал еще тлеющими углями.

А потом не колотые дрова кончились. Он даже успел занести несколько объемистых охапок пахнувших смолой дров в сарай и заложить у дальней стены поленницу. Как раз в этот момент вернулся Сашка. И вернулся не один. Его спутник – кряжистый мужичок с хитрыми глазками и чуть красным носом, указывающим на особое пристрастие к крепким напиткам, охотнику... понравился. Было что-то привлекающее в этом помятом, побитом жизнью (в том числе и в самом прямом смысле этих слов) лице. Свет, присмотревшись повнимательней, понял – этот человек, в отличие от Сашки, был на своем месте; жил своей, пусть и не самой светлой, жизнью. И земля вокруг – и лес, и совсем недалекая река, от которой нанесло вечерней свежестью – были его родиной. И уж он-то никуда отсюда уезжать не собирался.

Незнакомец первым и заговорил, оглядев огромную кучу дров:

– Ну, показывай своего инопланетянина. Этот что ли?

Он подошел к охотнику вплотную и ткнул его корявым указательным пальцем прямо в грудь. Под его пальцем взбухла могучая мышца, которую можно было различить даже под просторной рубахой, и он кивнул, словно соглашался с кем-то.

– И впрямь инопланетянин, – согласился он сам с собой, – такую кучу дров переколот, и без бутылки. Или ты ему пообещал?

Он повернулся к Сашке, но тот не ответил, заморожено глядя на дрова. Тогда мужичок – а было ему далеко за сорок – ответил сам, подняв авоську в руке к самому носу охотника:

– А у нас как раз с собой, – в полотняной сумке в подтверждение звякнули бутылки, – маловато конечно (он еще раз оглядел могучую фигуру Света), но за знакомство выпить хватит.

И он протянул вперед правую ладонь, которая оказалась на удивление крепкой:

– Владимиром меня зовут, а фамилия Угодин. Корефан я этого вот охламона, – он кивнул на Сашку, – а заодно и лесник соседнего участка.

Тут его нос смешно зашевелился – Угодин учуял запах, пробившийся из-под земли.

– Это что? – повернулся он к той стороне дома, откуда и донесся аромат готовившейся дичи.

– Глухарь, – честно признался Свет, и повернулся к Сашке, – а второй в холодильнике – завтра супчик сварим.

Насчет супчика у Сашки были большие сомнения; ни лука, ни картошки в доме не было. А потом его задумчивая гримаса сменилась тревожной.

– Что, корефан, зассал, – хлопнул ему по плечу Володька, – боишься, что егеря набегут?

Он не стал дожидаться ответа коллеги, повернулся к Свету с хитрым прищуром:

– А ты егерей не боишься?

Охотник это слово слышал впервые, но сейчас почему-то представил себе багроволицего барона Рагона и его угрозы по поводу добытого Светом оленя. Еще он вспомнил, как лихо отсек и барону и его братьям гигантские уши, лишив фамильной «гордости».

Потому он и ответил, широко улыбнувшись:

– Не боюсь. А набегут – уши отрежем.

– Вот это по-нашему, – еще шире улыбнулся пожилой лесник, – если ты еще и пьешь так же...

– Нет! – твердо прервал его охотник, – я совсем не пью. Зарок дал.

– Зарок это хорошо, – совсем разувлибался Угодин, – зарок это святое.

Бутылки в сумке опять звякнули; по сморщенному лбу Угодина было видно, что он сейчас делит их содержимое по-новому.

До полной готовности глухаря по прикидкам охотника было не меньше получаса, и он решительно пресек попытку двух лесников прямо сейчас начать процедуру знакомства. Его рука обвела плавным жестом гору из дров и уткнулась в темный проем сарая. И Угодин, к его удивлению, тут же поддержал охотника.

Сашка с трудом выпрямил спину, к которой тут же прилипла мокрая рубаха, и с удивлением посмотрел туда, где еще недавно его пугал дровяной Монблан. Теперь все дрова лежали внутри, уложенные в аккуратные поленницы и надежно укрытые от дождя.

– Новому хозяину кордона будет чем топиться ползимы, – почему-то с гордостью подумал он и вздохнул, глянув на Света, – этот точно здесь не останется.

Все-таки ему хотелось оставить дом, пусть не родной, в хороших руках. А Свет уже скрылся за углом, и мощный аромат готового мяса заполнил все вокруг. Теперь хищно повел носом и Сашка. Такого зверского голода он не испытывал очень давно. Немудреный стол накрыли прямо на улице. Венцом пира был, конечно, глухарь. Хотя у Угодина, наверное, было другое мнение... Глухаря всем троим хватило, а две бутылки водки под разговоры ушли еще быстрее. Разговоры, кстати, были весьма полезными. Владимир, к удивлению Света, совсем не расспрашивал его о далеком мире, ограничившись одной фразой, которой он оценил практическую такую информацию: «Брехня все это!».

А вот планы Света здесь, на Земле, его заинтересовали. И прежде всего – сегодняшняя ночь.

– Ты что, – набросился он на Сашку, – гостю на полу постелишь?

– Да у меня и стелить-то нечего, – растерялся тот.

– Тогда идем ко мне, в Мисайлово, – он прислушался к своему внутреннему состоянию, оценивая его возможности, и кивнул: «Дойду!», – запряжем лошадь, и привезем тебе постель, корефан.

Он уже считал Света настоящим другом, и сила короны Батурхана была тут не причем. Рассадин еще раз взглянул на небо, где за тучами едва можно было определить положение солнца, и заторопился:

– Собирайся, Свет. Чай потом попьешь, вечером.

Охотник тут же оказался на ногах, уже собранный, и Владимир, чей взгляд – в отличие от Сашки – был на удивление трезвым, скептически ткнул пальцем в рукоять меча:

– Этим от волков отбиваться будешь? Так у нас их нет давно, охотники повыбили.

– Есть люди, которые будут поопаснее зверей, – сурово ответил охотник.

– Ага, – согласился Угодин, – например наш участковый – тот еще зверюга. Но его рубить нельзя, хотя он трижды заслужил этого. Потом всю жизнь скрываться будешь, никакие документы не спасут. Кстати, какие-нибудь документы у тебя есть?

В руках Света оказался меч:

– Вот мой документ.

Угодин вроде совсем не испугался острого клинка, который неподвижно замер у кончика его носа.

– Солидная ксива, – согласился он, не решившись кивнуть, – предъявишь один раз и придется махать этой корочкой до конца жизни. Так что убирай свою железяку, да и лук со стрелами тоже – мальчишки засмеют.

Свет и за меч, и за лук немного обиделся, но правоту пожилого лесника признал. Поэтому оружие, и мешок в придачу, он убрал в дом, и опять появился на крыльце: «Готов!».

Уже выйдя за калитку, Володька спохватился:

– А там – в твоём мешке – ничего ценного нет?

– Да нет, – успокоил его взмахом руки охотник, – так, побрякушки всякие.

Побрякушки, между прочим, стояли здесь баснословных денег. Вряд ли тот же Угодин мог заработать в лесокомбинате сумму, эквивалентную полпуду золотых монет, или двум горстям драгоценных камней, которым самое место было в Грановитой палате московского Кремля. А уж ценность шлема предка даже Свет не смог бы определить. Тем не менее, он спокойно оставил сокровища на кордоне, резонно предположив, что никто его обыскивать в поисках клада не будет.

Владимир, как и положено леснику-обходчику, шустро шел по лесной тропе, которая вела напрямик к его деревне. Он часто оглядывался, потому что не слышал за собой шелеста листвы. Наконец он сдался:

– Послушай, ты можешь хоть специально шуметь; кашлять там, или...

Впрочем, об «или» он лучше бы молчал – желудок у пожилого лесника видимо давно не получал такой калорийной пищи, и поэтому беспрерывно угрожающе урчал. Охотник улыбнулся было, намереваясь ткнуть пальцем в этот живот, но замер, ощутив дыхание чего-то привычного, и уже не ожидаемого. Словно свежим ветерком до него донесло силой, подобной той, которой он привык распоряжаться в родном мире.

– Что там? – повернулся он в сторону ветерка.

– А, – махнул рукой лесник, – Венец – старая церковь. В революцию не смогли разрушить, так и стоит теперь больше шестидесяти лет никому не нужная.

– Зайдем, – решительно шагнул с тропы Свет.

Церковь из красного кирпича действительно пытались когда-то сломать.

– Ну, или кирпичом разживиться, – понял Свет, разглядывая многочисленные проемы, в которых не хватало ценного строительного материала.

Впрочем, вряд ли кому удалось что-то здесь наковырять путного. Под проемами расплылась красная жижа, которая показывала, что целыми кирпичи никак не хотели даваться в руки варварам. Что касается раствора, – то стяжка из него так и не поддавалась ломам и киркам разрушителей, белея сейчас, словно соты из костей неведомых животных.

Свет внутрь храма, заполненного тем же битым кирпичом и другим мусором, зашел один. Он с интересом оглядел стены, на которых годы так и не смогли смыть до конца фрески. На него со стены глянул строгими глазами полустертый старец. Он слово хотел, и не мог предупредить охотника о чем-то. Свет остановился под полуразрушенным куполом и замер на месте, закрыв глаза и подняв кверху руки с открытыми ладонями. Он словно воспарил к небу – здесь это было возможно – и радостно купался в энергии, наполняясь силой. Но что-то мешало ему, что-то тревожило. Он чуть распахнул веки и наткнулся опять на взгляд старца на стене – теперь осуждающий. И Свет понял – магия в этом мире была. Но понять и собрать ее было дано не всякому. Только здесь, в молельном доме, сотни людей по капле цедили ее из окружающего пространства. Собирали сотни лет, и теперь уже старые стены так же скупно и расчетливо возвращали ее родной земле, не давая ей окончательно погрузиться в бездну греха и дикости. А он – пришелец – сейчас черпал ее бездумно; полными горстями и охапками.

И Свет остановился. Он поклонился старым стенам и ликам на них, поклонился этой земле, не отвергшей его с первых мгновений, и... так же бережно вернул энергию. Но из храма вышел просветленный и обнадеженный, что заметил даже Рассадин.

– Что, верующий что ли? – с подозрением спросил Владимир; сам он еще не подошел к той черте, когда пора было задумываться о вечном.

– Смотря во что верить, – уклончиво ответил Свет.

Он действительно верил – в собственные силы, в силу разума. А главное – в то, что отыщет Весну и сына, куда бы их не забросили неведомые силы...

Глава 37. Богатырь земли русской

Свет прекрасно выспался на новом месте. Рассадин, выгрузив старинную кровать и матрас с одеялом к ней, тут же повернул Яну – лошадку, запряженную в телегу – обратно.

– Оставайся, – предложил было ему проспавшийся за время их отсутствия Сашка, – поздно уже, еще и под дождь попадешь.

– Ага, – рассмеялся Рассадин, которого прогулка по лесу протрезвила еще лучше, – теперь меня хочешь на пол положить? Нет уж, я домой. Завтра с утра приеду. Хоть картошки с луком да чесночком вам в погребке насобираю. А тебе (подмигнул он охотнику) на новом месте пусть невеста приснится.

И Свету действительно приснилась Весна – в первом же сне. Без сына, но зато с Волком. Она стояла в каком-то парке – неожиданно повзрослевшая, утопив руку в густой шерсти пса – и пристально смотрела на своего суженого. Словно предупреждала его о чем-то, или... просила прощения? Очень уж вид был виноватый у молодой женщины.

– Это я перед тобой виноват, – тут же проснулся Свет, – виноват, что не смог защитить тебя.

Он нащупал на голой груди медальон Весны и раскрыл его – пряди золотистых волос там не было. Стул с одеждой стоял рядом с кроватью. В полной темноте – за открытым окном не было видно даже намек на луну – он нащупал славинский камзол, в котором предстал перед Сашкой этим утром, а в его кармане аккуратно сложенный платок. Он и в темноте смог убедиться – в платке были только длинные волосы из гривы Орлика. Жесткая шерсть Волка исчезла безвозвратно, как и прядь волос Весны. Охотника едва не сбросило на деревянный пол неистовое желание – пусть эти два события будут связаны между собой; пусть сейчас, в это мгновение, Волк будет рядом с Весной.

В невообразимой дали от Земли в это мгновение – если только можно было сравнивать секунды и минуты двух миров, отстоящих друг от друга еще больше, чем два мира Света, старый и новый – в старом замке поднял голову огромный пес. Свет сейчас с трудом узнал бы Волка в этом поседевшем ветеране. Увы – два мира разделяли не только расстояние, но и время. Взгляд старого пса был вполне осмысленным. Какие мысли, какие воспоминания богатой на события жизни шевелились сейчас в крупной голове? Может, последние слова хозяйина, которые до сих пор жили в собачьем сердце: «Дождись меня, Волк!».

Практически посредине этого безумно длинного отрезка космоса кружилась вокруг своего солнца родная планета Света. Старой Зохре не спалось. Она вышла на крыльцо и подняла голову. Да, в чудесной долине царило лето, но на небосклоне висели по-зимнему яркие и огромные звезды. Она прищурилась, выбрав по наитию одну, не самую яркую.

– Где-то там сейчас Свет, – с теплой улыбкой подумала она; она повернулась к другой стороне низкого неба и выбрала еще одно далекое светило, – а там защитник, которого он нам оставил...

Она подумала о сладко спящей в комнате девочке и горестно покачала головой – вспомнила, как горько рыдала Замира, когда огромный пес, лежащий на траве, вдруг медленно истаял и пропал... навсегда.

– Ну, ничего, – опять повернулась к первой звезде провидица, – скоро у нас опять будет надежный защитник. А тебе спокойной ночи, Свет.

Именно в этот момент Нажудин, несмотря на глубокую ночь, протискивался в тайное ущелье, отрываясь от преследователей. Сделать это днем, под случайным взглядом неведомо откуда взявшихся мурганских воинов он не решился...

Охотник, быть может даже благодаря пожеланию провидицы, опять заснул. Его разбудил скрип колес, о потом и веселый голос Рассадина.

– Вставайте, лежебоки, – заорал он, разбудив только Сашку.

Свет уже стоял в проеме двери, обнаженный по пояс. В руке он держал меч. Володька замолчал, отвесив челюсть. Он – точно помнил – когда-то учился в школе. Вот тогда, в учебнике по истории древнего мира, он видел столь совершенные фигуры.

– Оказывается, – подумал он, – любоваться можно не только голыми тетками.

А Свет уже исчез в лесу, так же бесшумно, как он делал все. Стремительная пробежка опять напомнила ему о родном доме и о Волке – вот так же он бегал на берегу Русинки наперегонки с подрастающим псом. Он выскочил на поляну, и дикий поросенок – может тот же, вчерашний – не успел среагировать. Охотник подхватил его на руки и лес заполнил пронзительный визг. Охотник пощекотал несчастное животное, добавив децибел его крику, и отпустил на свободу. Впереди показался тот самый ручей, где он вчера устроил заготовки красной глины.

Здесь охотник затормозил. Тело еще не разогрелось, но Свет с наслаждением окатил себя холодной водой. Показалось ему, или нет, но морозные иголки, тысячами впившиеся в кожу, впрыснули в него не только свежесть осеннего утра, но и малую толику магической энергии, которую не нужно было возвращать.

– Живая и мертвая вода, – вспомнил он еще одну русскую сказку.

Эта вода было живой. Может, она проходила через какую-то рудную жилу, а может, действительно чудесные свойства ей дарила земля.

– Древняя земля, – подумал Свет, – здесь за тысячи лет отдали за нее жизни столько героев и простых людей. Кстати, где-то в этих краях родился и жил тот самый Илья Муромец.

Охотник даже обрадовался – ведь с самого утра он пытался наметить план собственных действий. Что делать, и куда идти в первую очередь? Вот первый пункт назначения и появился – Муром.

Высушить покрасневшую кожу Свет решил проверенным способом – на бегу. Рядом с речкой вилась утоптанная тропка. Вот по ней он и понесся, едва сдержав радостный клич. Пока кроме Сашки да Угодина он никого здесь не видел, но знал – и по записям в компе Мыльникова, и по вчерашним разговорам за поздним ужином, что места здесь оживленные. Речка скоро исчезла, ушла под землю, а тропинка вывела его на высокий берег полноводной реки. Он оценил ее ширину – не меньше сотни метров, и вспомнил название – все из той же вечерней беседы – Клязьма.

Внизу, у берега, было многолюдно. По крайней мере, для него полтора десятка человек были уже толпой. Стояли две машины – одна большая, с высокими бортами за длинной кабиной; вторая – поменьше; марку ее Свет, естественно, знать не мог.

– Хорошо хоть что такое машина знаю, – улыбнулся охотник, не выходя из-за толстой осины, что скрыла его от людей внизу, – а если бы сразу из своего леса сюда попал... Бежал бы сейчас без оглядки.

Бежал бы он потому, что автомобили одновременно завелись и заревели, исторгая клубы сизого дыма. А люди уже расселись – даже в кузов заскочили несколько мужиков, погрузив какие-то емкости. Скоро на берегу остались только клубы дыма, осевшая на изъезженном пяточке пыль да тот объект, ради которого, собственно и приезжали сюда люди. К трубе диаметром не меньше сорока сантиметров вела выложенная камнем-дикарем тропка. А из самой трубы бил тугой фонтан кристально чистой воды, которой Свет обрадовался как хорошей знакомой. Это была та самая речушка, которая спряталась от него под землю. И вот тут уже фонтанировала не только вода, но и чистая энергия, которую охотник принялся черпать полными ладонями.

Он видел ее особым взглядом; чувствовал каждой клеточкой своего тела. Подобные чувства – пусть неосознанно – наверное, испытывали и другие люди, иначе зачем бы они приезжали сюда за водой? А рядом – прямо за толстыми стенками трубы – текла другая вода. Охотник зачерпнул и эту – речную – ладонью, и тут же выплеснул. Даже не попытался понюхать, а тем более попробовать на вкус. Эта вода еще не была мертвой, но все шло к тому. В ней было столько примесей, смертельных для всего живого, что Свет, машинально оттерев руку о штаны, искренне пожалел и рыбу, которая в этой реке еще водилась, и бобра, который уже подплывал к противоположному берегу.

Назад охотник возвращался другой дорогой. Он намеренно шумел, походя к кордону. Мужики были на улице, у скромно накрытого стола под навесом из того же горбыля. Свет подсел к Сашке и Владимиру, которые не начинали без него завтракать. На тарелках перед каждым лежала горка чего-то красного, непонятного. Впрочем, поковырявшись немного в этом блюде вилкой, охотник разглядел, как на него уставился рыбий глаз.

– Это можно есть? – содрогнулся он.

– Ешь, – поощрительно хохотнул Володя, – рыбные консервы – килька в томатном соусе. Даже еще не просроченная.

И он показал Свету банку, вскрытую каким-то особенным способом. По крайней мере, порезаться об острые края крышки можно было запросто. А потом Угодин бросил банку в ведро, стоящее рядом со столом и выполняющего роль мусорного, и охотник удивился такой расточительности – кусок неизвестного металла Сашка явно выкинет в яму в дальнем углу усадьбы.

На вкус килька оказалась... В общем, назад не попросилась. А вот молоко, которое привез с собой Рассадин, было просто великолепным.

– Не хуже, чем у тетушки Зохры, – оценил его охотник.

– Домашнее, – похвалился Угодин, – специально в деревню на лошади ездил, к утренней дойке. В магазине такого не купишь.

Свет допил молоко, поблагодарил за завтрак и уставился на лесников вопросительным взглядом. Он прекрасно понимал, о чем они говорили до того, как замолчали при его появлении. Точнее о ком – о нем.

Догадка оказалась верной, потому что Угодин сразу же спросил:

– И что ты собираешься делать?

Свет пожал могучими плечами:

– Для начала съездить в Муром

Владимир не выказал никакого удивления, но критично оглядел сидевшего напротив охотника.

– Не доедешь.

– Почему? – немного удивился Свет, – он же где-то здесь рядом.

– Рядом, – согласно кивнули сразу оба лесника, но ответил все таки Угодин, – до него даже вон на Сашкиной тарахтелке доехать можно – только бензин надо достать. А не доедешь, потому что первый же постовой с мотоцикла ссадит и в капэзэ отправит, в такой одежде. До выяснения личности. А личности пока я тут не вижу.

– Как не видишь? – почти растерялся Свет, принявшись оглядывать парадную одежду славинского князя, в которой он и появился в этом мире.

– Личность, – наставительно поднял палец Угодин, – это тот, у которого есть соответствующее удостоверение. А у тебя нет никакого.

– И что, – успокоился охотник, не обнаружив в своем костюме ни малейшего изъяна, – эти самые удостоверения у каждого проверяют?

– Нет, – успокоил его было Володя, но тут же добавил, – но у тебя точно проверят.

А Свет и сам уже понял, что рядом с новыми друзьями, а тем более в городе, да хоть в маленькой деревушке будет выглядеть чужаком – даже если бы не выделялся габаритами. Его мощная фигура и создавала сейчас затруднения – на ней костюмы Сашки и Володьки, жертвуй они их сейчас, вызвали бы еще большее подозрение.

– Значит, надо покупать, – вздохнул Угодин (рядом так же тяжело засопел Суворов), – а аванс дадут только послезавтра.

Свет подивился такой жертвенности новых знакомых; еще больше – тому, что они приняли его заботы как собственные, даже не подумав обратиться к властям. Потому он и не сомневался, исчезая ненадолго в комнате, которую ему выделил хозяин кордона, и появляясь со своим дорожным мешком в руках.

– Не надо ждать никакого аванса, – улыбнулся он широко, запуская руку в мешок, – деньги есть.

На стол посыпались золотые монеты, которые тут же попытались разбежаться по нестроганым доскам. Одной это удалось, и Угодин тут же нырнул под стол, вернувшись с золотым кругляшом в ладони.

– Это что, золото? – спросил он хриплым голосом, и охотник задержался рукой в мешке.

Вторая ладонь должна была высыпать на стол драгоценные камни.

– Богато живете, – немного успокоился Владимир, оглянувшись по сторонам, – и много их у тебя?

Он повертел монету перед собственными глазами, и Свет – к большому облегчению – не распознал в этом вопросе ни нотки алчности. А пожилой лесник вдруг растерялся:

– На это, – его ладонь не смогла закрыть кучку золотых монет на столе, – можно скупить всю одежду в магазинах Коврова.

– Ага, – добавил с сарказмом его молодой коллега, – и сесть на нары лет на десять.

Он выглядел сейчас намного спокойней старшего товарища; очень быстро выяснилось, почему. Оказывается уехавшим в Москву дядей Толей и его сыном родня Александра Суворова не заканчивалась. В том же Коврове – районном центре – жила старшая дочь дядьки, Лариса. И она, словно нарочно – Свет много мог бы рассказать о еще более удивительных совпадениях – работала медсестрой в зубоврачебной поликлинике.

Охотник не сразу понял связь между зубами и золотом, но повеселевший Володька, подмигнув ему, сказал, что этого Свету знать совсем не обязательно, и вытянул из кучки еще одну монету.

– Хватит, – решил он, – а это убери (это он про остальные монеты). Поедем сначала ко мне.

– Зачем? – попытался слабо воспротивиться Сашка, – это же какой крик? А здесь вон – до станции полчаса ходу.

– У тебя же даже молотка нет, – разозлился Угодин на парня, – или ты прямо вот так золотишко понесешь? Может еще и легенду сочинишь, как у тебя прадед в несуществующее государство путешествовал.

Он покрутил перед носом Суворова монетой с профилем одного из древних рагистанских шахиншахов, и тот признал правоту друга – слова несуществующего на Земле языка могли поднять слишком большую волну, даже в среде скрытных дантистов. Лесники скрылись за деревьями, предоставив Свету право убрать со стола. А заодно – поставил себе еще одну задачу Свет – приготовить обед.

Охотнику пришлось самому – методом проб и ошибок – учиться, как работает газовая плита; по какой стороне коробка нужно чиркать спичкой (здесь фокус с огнем из пальца не работал), и еще многому другому, чего в памяти компа, который должен будет появиться только через два века, не было. Про два века Свет тут же постарался забыть – нечего забивать

голову несуществующей пока проблемой – а результатом своих изысканий остался доволен. И дом не спалил, и суп приготовил – пальчики оближешь. И даже гостей встретил – проводил.

Примерно через полчаса после исчезновения двух корефанов за забором требовательно загудела машина. Свет понял, что это вызывают хозяина, и таиться не стал. Он вышел за ворота, предварительно сняв с себя и славинский костюм, и рубаху, богато вышитую невиданными здесь узорами. Машина негромко тарыхтела, а рядом с ней стояла девушка... Нет, молодая женщина. Стояла, и смотрела на охотника, открыв рот. Сначала ее взгляд мазнул по медальону Весны (тоже, кстати, золотому), а потом медленно заскользил по его могучей груди, по плечам, по бицепсам, которые невольно напряглись под этими восхищенными глазами.

Свет кашлянул, и женщина в зеленой форменной одежде с четырьмя звездочками в петлицах (знать бы еще, что они означают), перевела взгляд на его лицо. А тут удержалась, не утонула в его бездонных голубых глазах, задав немного громче, чем следовало, вопрос:

– А где Сашка?

– Здравствуйте, – ответил ей баритоном диктора центрального телевидения Свет, – а брата нет. Он по обходу ушел.

– Брата? – взметнулись вверх брови незнакомки, – он ни о каких братьях не говорил.

Охотник о степени близости Сашки с этой женщиной мог только догадываться, поэтому пожал плечами – мол, у него и спросишь, почему скрывал такого брата. Глаза незнакомки опять метнулись к этим плечам, но ниже не опустились; она все-таки выдавила из себя:

– Скажете, что приезжала Захарова, помощник лесничего. Пусть завтра в контору не приезжает, денег не будет.

– Хорошо, передам, – дернул грудными мускулами Свет, и начальница Сашки медленно пошла к машине – спиной вперед.

– Может, она боится, что я на нее сейчас наброшусь? – с веселой улыбкой проводил ее взглядом охотник, и, уже вслух – когда женщина готова была захлопнуть дверцу автомобиля, – до свидания!

Захарова кивнула за лобовым стеклом, и машина круто развернулась, заставив охотника отскочить к воротам. Видимо, водитель, так и не соизволивший выйти из автомобиля, получил какой-то совершенно немислимый приказ.

Ни Сашка, ни Угодин вести о задержке аванса не огорчились. Судя по огромным сумкам, которые они опустили на тот самый стол, съездили они не зря.

– Если ты думаешь, что сейчас будем обмывать твои обновки, то зря надеешься, – Володька шевельнул сумкой, и в ней звякнуло что-то явно приятное его уху – вон как расплылся в улыбке, – и обновки пока не получишь. Только после бани!

– Бани? – огляделся охотник – никакой бани он здесь не видел.

– Да не здесь, – правильно понял его замешательство хозяин кордона, – мы в городе Николаича встретили, договорились с ним. Так что он сейчас в усадьбе лесничества баньку топит, а мы ближе к вечеру туда и подвалим. Там знаешь, какая баня, такой даже в Москве нет!

Свет не стал интересоваться, ни кто такой Николаич, ни чем знаменита эта баня – решил, что все оценит на месте. И оценил! Баня действительно была замечательной, и охотник сразу понял, почему. Потому что в прудик у баньки стекал ручеек из бьющего на горке в соседнем леску родника. И этой живой водой и поддавали они в жерло, где потрескивали раскаленные камни.

– Не бойсь, – завел его в парилку бородатый Николаич, который оказался мастером леса, еще одним начальником Сашки, – камушки не треснут, не выстрелят. Потому что сам их по берегу Клязьмы искал – один к одному.

На камни из ковшика плеснулась порция живой воды, щедро разбавленная «Жигулевским» пивом. Свет охнул – этот восторг душа сама выплеснула наружу; в таком виде она пиво приняла очень даже благосклонно. А в просторной комнате отдыха, в которой был даже камин

(не хуже, чем в Москве!), лесники уже накрыли на стол и разложили на скамье обновки. Они явно отметили, как смотрел на свою тарелку с консервами гость, и потому сейчас решили превзойти самого себя. Для российской глубинки одна тысяча девятьсот восемьдесят второго года – оценил их старания Свет – стол был просто шикарным. Была даже икра – и красная, и черная (уже на бутербродах). А то, что за копченой колбасой нескольких видов надо было ехать в Москву, он даже не догадывался. Ему об этом потом, в парилке, сказал пораженный Николаич. Пил он, пожалуй, даже больше, чем Угодин, но успел похвалить Суворова.

– Видать сильно тебя братец любит, – поддал он еще парку, – пожалуй, что полгода на такой стол копил. Да и как он за полдня в Коврове успел такие деликатесы отхватить, я даже не представляю? А ты как, в армию его приехал проводить? Или тут остаться надумал?

Он, очевидно, тоже оценил стати охотника – не с той стороны, конечно, что Захарова. Потом он, впрочем – так же доверчиво (т.с.с... – тихо, только как своему!) – посоветовал Свету уезжать отсюда как можно быстрее, в город, а сюда приезжать только на отдых... ну хотя бы на охоту.

– Сходим с тобой, Святослав, на зайчика. Я тебе покажу, как заячьи петли читать, да из ружья дам стрельнуть. Хочешь?

И Свет согласился, широко улыбнувшись. Глухариное мясо из супчика, которое еще раньше украсило собой стол, выдали за импортный деликатес, и мастер леса, попробовав его, только покачал головой: «Живут же люди!». Охотник грустно улыбнулся. Он сейчас вспомнил те столы, что накрывали в рыбацкой деревушке, или его родном селе – новые хозяева. А столы в гареме Гумирхана?! Он еще раз вздохнул, и предался чревоугодию, теперь уже по земному...

– А повертись-ка, сынку..., – чуть слышно процитировал Гоголя Свет, и Угодин наморщил лоб – где-то он уже эти слова слышал.

Володька с Сашкой сейчас, после уже ставшей традицией утренней пробежки охотника к живительной трубе, разглядывали его в новом наряде.

– Так себе костюмчик, – поскромничал Володя, который и выбрал на свой глаз и вкус изделие ковровской швейной фабрики. Вернее, изделий было два, и ни одно из них Свету не подошло. Первое было как раз в плечах, но все остальное терялось в этом костюме пятьдесят восьмого размера. Пятьдесят четвертый на плечи не налез. А Сашка смущенно потупился:

– Придется к Иринке ехать, к Захаровой – у ней от бабушки швейная машинка сохранилась, «Зингер».

Володька дружески пихнул корефана в бок: «А не боишься?». Что-то он такое об Ирине и Сашке знал. А тот только рукой махнул:

– Для брата не жалко.

Однако Свет категорически отказался возвращаться в лесничество. Не испугался, конечно, Сашкиной начальницы. Просто душа требовала немедленных действий, и он в результате натянул на себя спортивный костюм, а потом куртку из непонятного материала (но явно не кожа) таких невероятных размеров, что можно было славинский костюм не снимать – все равно под ней ничего не было видно. А потом водрузил на голову шлем. И лесники едва не упали на траву от смеха.

– Вы чего? – обиделся больше за доспех Свет, – сами же сказали, что без шлема на мотоцикле нельзя.

– Вот без этого, – поддал ему круглый пластиковый колпак красного цвета Сашка, утирая слезы, выступившие от хохота, – этот будет надежней твоей железяки.

– Надежней? – Свет, не напрягаясь внешне, сжал шлем между ладонями, и тот громко треснул.

На землю посыпались обломки пластика и подкладка черного цвета. Корефаны растерянно переглянулись – запасного шлема у Сашки не было. Свет улыбнулся – на то, чтобы шлем Владимира внешне стал выглядеть как мотоциклетный, магических сил у него хватило...

Суворов с гордостью выкатил из сарая старенькую «Яву». Еще более старый служебный «Восход» завести не смог бы уже никто; он стоял в том же сарае лишь для того, чтобы получать в лесничестве бензин. Мотоцикл из братской Чехословакии затарахтел мотором, и инопланетянина пригласили на заднее сидение. Свет никакого волнения не испытывал. Не то, что доверял мастерству названного брата безоговорочно. Просто он предвидел, что вот таких случаев – впервые сделать, или попробовать что-то, будет ох как много.

Он летал на космическом корабле, перемещался между континентами, но езда на мотоцикле... Она была сродни скачке на горячем коне. Свет вспомнил своего Орлика, и слился сознанием с мотоциклистом; сейчас эти два человека, выскочившие на достаточно гладкую дорогу, что пролегала вдоль правого берега Клязьмы, вместе нажимали и нажимали на рукоятку газа, пока «Ява», словно живая, не запросила пощады: «Быстрее не могу!». Рука Сашки тут же ослабла, сбивая скорость до допустимых девяноста километров в час, и мотоцикл загудел ровно, не мешая Свету разглядывать новый мир, новые деревни и людей, их населяющих. Впрочем, здесь людей по случаю рабочего дня было немного – разве что на автобусных остановках толпился народ, в основном пожилого возраста. А мотоцикл обгонял одну за другой тракторные телеги полные какой-то зеленой массы.

– На силос везут, – чуть обернулся назад Сашка, а потом кивнул вперед, где на огромном поле, уже скошенном, паслись коровы, – для них, на зиму.

Охотник присвистнул про себя – столько скота вряд ли набралось бы во всем государстве славинов. Он проводил глазами стадо; потом – с удивлением – дорожный знак, который подсказал, что они въехали в очередную деревню Барское Татарово.

– Вроде бы никаких бар тут давно нет, – вспомнил он историю России двадцатого века, – и коровки, что мы видели, называются колхозными... Пока.

А Сашка опять обернулся к нему:

– Это уже соседний район, Вязниковский. Скоро на трассу выйдем.

На трассу «вышли» очень скоро. «Ява» влилась в поток попутного транспорта, который, как уже знал охотник, мчался из Москвы в город Горький. Навстречу с ревом проносились грузовики, мелькали почти беззвучно (благодаря шлему) легковые автомобили. Свет уже перестал удивляться многолюдству; даже начал немного тяготиться им. А может, это его просто потянуло в родной мир, пусть жестокий, не такой комфортный, как здесь, но... свой! Но следить за окружающим миром не перестал. Он уже предвидел, что дорога домой, а до того – за любимой женщиной и сыном – будет очень долгой.

По трассе «Ява», совсем немного (по ощущениям охотника) нарушавшая скоростной режим, мчалась больше часа; потом Сашка повернул направо, на дорогу не такую широкую, и заметно разбитую. Тут скорость упала до шестидесяти, а потом «мотогонщик» и вовсе свернул в лес, на едва заметную тропу. Здесь путники пообедали, «чем бог послал». Охотник на слова землянина лишь хмыкнул; вспомнил работаровца Харама, на золото которого они и продолжали шиковать. Потом по очереди сходили за кустики – хотя в этой глуши ничего их железному коню не угрожало.

– Здесь людей почти не встретишь, – пояснил Сашка, – дальше вообще муромский заказник начинается; там только егеря да лесники ходят.

Свет его слова оценил, когда лес стал гуще, мрачнее; он с каждым километром все ближе смыкался вокруг дороги. Вот тут можно было поверить, что земля, а значит и лес на ней когда-то родил могучего богатыря.

Сам Муром Свету ничем примечательным не запомнился – город как город (много он их в этом мире видел?). Церквей, да зданий старинных, было конечно много. Но охотнику пока

облик древнего города было сравнивать не с чем. Даже в Коврове, рядом с которым он прожил уже два дня, Свет так и не побывал. Но что-то все-таки ощутил, даже не слезая с седла мотоцикла. Что-то схожее с ощущениями, что обрушились на него в древнем полуразрушенном храме. Только здесь эти ручейки живительной энергии, что истекали от многочисленных церквей, терялись в густых выхлопах автомобильных дымов. Еще больше копоты к небу несли многочисленные трубы, которые явно могли обогреть не одну сотню домов.

Сашка тут остановился всего два раза – чтобы узнать дорогу на Карачарово, родину Муромца. Первый прохожий, к удивлению и Суворова, и Света, дороги туда не знал. А второй описал ее очень подробно – видно бывал там не раз. Впрочем, села Карачарова, как оказалось, давно уже не было. Разросшийся город поглотил его, и улица Приокская, где им показали старый дом, в котором, как уверяла словоохотливая старушка, вырос былинный герой, теперь была частью города.

Старушка видимо была еще и очень любопытной, потому что засеменила за отъехавшим мотоциклом и даже догнала его, когда тот остановился у большой каменной церкви, у которой сохранилась целой высокая четырехъярусная колокольня. Уже скрываясь в проеме этого сооружения (двери там давно не было), Свет услышал ее слова, которые старушка обрушила уже на одного Сашку:

– Это Троицкая церковь, сынок. Никак руки у людей не дойдут ее восстановить...

Полустертые каменные, а потом железные ступени привели охотника на самую вершину колокольни. Церковь и так стояла на пригорке, с которого были видны и граница с Горьковской областью, и с соседними районами Владимирской, а главное – речной простор. У Света захватило дух. Он, конечно, видел с высоты птичьего полета (и даже выше) реки в родном мире, но там не было такой живой энергетики. Все внизу мелькало с бешеной скоростью, и чуть слышный гул двигателей «Белки» мешал слушать торжественное молчание воды. Здесь же душу охотника стало заполнять это неслышимое журчание речных струй, безмолвное скольжение большеглазых рыб и...

– Что, – раздался позади могучий бас, – тоже пытаешься выглядеть, куда я дубовые пеньки бросал?

Слова звучали вполне современные, с правильной интонацией и ударениями, но Свет был уверен – позади него стоял тот, к кому он и стремился за помощью; по крайней мере, за подсказкой.

Он не стал оборачиваться – знал, что никого там не увидит. Еще он знал, что это не галлюцинация, и все вокруг – и широкий порыжевший луг у реки, и саму Оку, и даже город наполнила сейчас огромная бесплотная тень души, которая никогда не покидала родную землю.

– Здравствуй, Илья Иванович, – чуть поклонился в сторону реки охотник, уверенный, что незримый собеседник видит каждое его движение

– Здравствуй и ты, Светослав. Вижу, пришел ты за помощью, но не ведаю, чем могу помочь, – Свет сделал движение рукой, но не сказал ни слова, потому что ласковый ветерок с Оки словно остановил его жест, – силушки у тебя поболее будет, чем у меня вместе со Святогоровой; камень, что хранил мои доспехи, у тебя тоже был... Да и доспехи твои, хоть ты и одаривал ими товарищей щедро, великую силу имеют. Вместо калик переходящих явился тебе человек чудной, что разбудил в тебе силу, да направил на путь нужный...

Свет понимал эти иносказания – и про камень, и про учителя – мастера Ли, и все остальные; быть может, Муромец – если только Свет сейчас все не напридумывал, читал прошлое в душе охотника? Но вот он перешел к будущему, к тому, что сам Свет пока не видел, но стремился угадать.

– А вот Идолище проклятое на твоём пути встретится, и должен ты будешь его победить. Тем более, – Муромец за спиной явно улыбнулся, и реку залили яркие лучи солнца, выглянувшие из-за туч, – что ты уже дал клятву покончить с ним. И еще...

Голос Ильи Ивановича загремел, останавливая попытку изумленного Света все-таки оглянуться, и гладкая речная поверхность покрылась рябью, в которой сразу заиграло солнце:

– Недаром ты прибыл в этот мир, на землю моих и... твоих предков. Ждет ее великая боль, черная боль. Вот и возьми ее на себя, Светослав, не дай земле покрыться гнойной коростой. А она тебя отблагодарит, парень, по подвигу твоему отблагодарит – отправит туда, куда стремится твоя душа...

– Куда? – все-таки повернулся охотник.

На небольшой площадке, на которую уже давно не ступала нога звонаря (да здесь даже веревки от колоколов не осталось, не то, что ценного цветного металла), никого и ничего не было. Лишь сиротливый желтый дубовый листок, неведомо как занесенный ветром на эту верхотуру, лежал на каменном полу. Совсем недавно – когда охотник поднялся на колокольную площадку – его здесь не было. Да и ветер гулял где-то высоко, ни разу не нарушив безмолвной беседы. А значит...

– Ничего это не значит, – пробормотал Свет, все-таки подняв листок и бережно определив его за пазухой – туда, где уже хранилась прядь из гривы Орлика и медальон Весны – увы, пустой...

Глава 38. Бегство

Назад за руль мотоцикла – несмотря на сопротивление Сашки – сел Свет. На главный аргумент лесника: «Да у тебя же даже прав нет!», – он лишь загадочно улыбнулся.

– Есть у меня права, парень, – практически неслышно прошептал он, – только что получил. Такие права, что не только на территории России действуют.

И Суворов смирился, сел на заднее сидение. А Свет повел мотоцикл уверенно и осторожно, соблюдая все правила дорожного движения, что в городе для такого новичка было делом нелегким. Но новичком Свет был только в глазах Сашки; сам он всю дорогу до Мурома не только глазел по сторонам, да прислушивался к редким репликам Суворова, но и выпитывал в себя его мастерство, попутно отмечая огрехи, и исправляя их – уже в себе, естественно.

Это мастерство он и показал, когда после небольшой остановки – практически в том же месте, где в первый раз, только по другую сторону дороги – «Ява» вырвалась на горьковскую трассу. Тут мотоцикл довольно заурчал, и прибавил обороты; а Свет еще попытался добавить в бензин, который мелкими брызгами впрыскивался под бешено снующие поршни, собственной энергии. И у него получилось! «Ява» теперь редела как голодный зверь, которому, наконец, бросили мясную косточку. Сашка за мощной спиной охотника конечно не видел, что творилось со стрелкой спидометра. И хорошо, что не видел, потому что не поверил бы своим глазам. Ему было так спокойно за этой надежной спиной, которая ничуть не была напряжена. А стрелка, между прочим, перескочила за последнюю отметку «180» и застыла в крайнем правом положении. Шлем Владимежа сейчас походил на те, которые мотоциклетная мода изобретет через несколько десятилетий; он полностью защищал лицо от свистящего ветра – в нем можно было петь во все горло, наслаждаясь скоростью, что он и собрался сделать, но... Далеко впереди он заметил выдвинувшегося прямо на полосу движения человека, замахавшего полосатой палкой.

На педаль тормоза Свет нажимать не стал, просто отпустил рукоять газа, да поблагодарил мысленно двигатель, с честью выдержавший испытание. Пока «Ява» подкатывала к постовому, быстро теряя скорость, он успел вспомнить таких же стражников – на рагистанско-славинской границе. Там их было больше – целый десяток – и вооружены были они не в пример солиднее, саблями да копьями. Но вот жадности в них было... Ну, если у всех собрать, как раз бы хватило на этого представителя земных дорожных властей, вооруженного одной палкой.

Сашка за спиной тут же заныл: «Я же говорил!», но Свет заставил его заткнуться – одним движением мускулов спины. А «Ява» наконец остановилась, чуть не наехав на черный форменный сапог.

– В чем дело, сержант? – охотник вроде и не повысил голоса, но сейчас в нем – совершенно органично – прорезались властные нотки сразу нескольких правителей иного мира. И внутренне чутье постового подсказало – зря он остановил этот мотоцикл. Он вытянулся по стойке «Смирно!», – и отрапортовал, заставив лесника за спиной испуганно сжаться:

– Старший сержант Гаврилюк! Разрешите продолжить патрулирование?!

– Продолжай, – махнул рукой охотник, вспомнивший почему-то как раз про село Барское Татарово, – все в порядке по службе?

– Так точно, – вытянулся еще ретивей старший сержант, который успел спрятать куда-то свой жезл, – только...

– Что только? – снял с педали стартера ногу охотник.

Постовой нагнулся к его уху и, понизив тональность голоса, сообщил:

– На разводе утром сообщили, что шесть эков из Мелеховской колонии сбежали. Особо опасные. Двух охранников кончили, и «Калашниковы» их с собой прихватили. И вроде их в нашей стороне видели.

– Хорошо, – поставленным командирским голосом отпустил сержанта Свет, – учту.

Мотоцикл взревел, и почти сразу свернул с трассы, на дорогу, что вела к дому – Сашкиному, естественно. А сержант еще долго провожал глазами фуры и легковушки, пытаясь найти ответ на простой вопрос: «Что это было?»...

Охотник опять обратился к движку – как бы дико это не звучало:

– Давай дорогой, жми!

Какое-то смутное беспокойство посеяли в его душе слова сержанта. Связано ли оно было с сбежавшими заключенными, Свет пока не знал? Но он точно знал – надо спешить. Поэтому «Ява» опасно кренилась на поворотах, которых здесь было великое множество, и натужно выла на ровных участках. Они вихрем, не снижая скорости, промчались через несколько деревушек, въехали в большой поселок, который по-простому назывался Клязьминским городком, и тут вынуждены были затормозить. Свет, правда, и сам бы остановил мотоцикл рядом с толпой, которая перегородила дорогу у автобусной остановки. Напротив нее располагался магазин, на высокой ступеньке которого как раз заканчивал речь участковый, лейтенант Михаил Уткин – тот самый «зверюга», которого побаивался даже тертый калач Угодин.

Милиционер взглянул строго на подъехавший мотоцикл, и бросил напоследок в толпу:

– Так что граждане, сами понимаете – пока не поймем извергов, в лес ни ногой. Хватит нам уже двух трупов, что они району «подарили». Не дай бог вам увидеть такое.

– Господи! – закричала вдруг какая-то женщина в толпе, – а мои Танька и Женькой как раз за лисичками ушли...

– Куда!? – резко повернулся к ней участковый.

– Да кто же их знает?! – еще истеричней выкрикнула тетка.

Лейтенант обвел еще раз – уже торопливо – толпу, и задержался на мотоцикле, и его владельце – леснике Сашке Суворове. Высокого плечистого блондина рядом с Сашкой не было, и как он мог исчезнуть совершенно незаметно для него, опытный участковый так и не понял...

А Свет за несколько мгновений до этого вдруг почувствовал, как вздрогнула, и протяжно застонала земля. Застонала так, словно это ее сейчас насиловали... или собирались сделать это. И охотник понял – кто-то очень сильный и злобный сдавил сейчас само сердце земли. Свет знал, где оно находилось! Самой короткой дорогой к старому храму были лесные тропы, по которым он мог мчаться быстрее всякого мотоцикла. Уже на бегу, стремительно врываясь в чистый березняк, он с сожалением вспомнил о мече, который оставил в Сашкином доме. Но времени завернуть на кордон совершенно не было...

Тане Жуковой было уже четырнадцать лет, и она считала себя вполне взрослым человеком. Во всяком случае, мамке помогала, чем могла. Мамке было тяжело; отец бросил ее с двумя маленькими детьми очень давно – Таня его уже и не помнила. А сестренка – Женька – что была младше ее на три года, вообще его не видела ни разу. Где-то он пропал на северах (так говорили соседи – мамка о нем не любила вспоминать), ни разу не осчастливив детей алиментами. Вот и теперь Татьяна, собираясь в лес, взяла с собой Женьку. Сестренка в грибах разбиралась плохо, в смысле, собирать их совершенно не умела. А Таня была знатной грибницей; приносила домой полные ведра. Сейчас сезон, конечно, прошел, но она знала, что по осеннему теплу опять вылезли петушки. Домой, на зиму, она грибов уже натаскала, а эти петушки ей были нужны на продажу – Татьяна копила себе на джинсы, и ей оставалось ну совсем чуть-чуть.

В овражек, который был ее тайной грибной плантацией, она вместе с сестрой спускалась осторожно – чтобы и вылезшие уже ярко-желтые петушки не раздавить, и подстилку лесную не содрать – сквозь нее следующей весной ползет новый слой. Она нагнулась за первыми грибочками, когда позади раздался испуганный крик Женьки. Девушка резко выпрямилась, и чуть не столкнулась нос к носу с каким-то небритым мужиком, который занимался тем же, чем и она – собирал грибы. Таня стояла чуть выше по склону оврага и его глаза оказались так близко, что она успела прочесть в них попеременно дикий ужас, затем удивление, и наконец – хищную радость, даже ликование, словно этому мужику преподнесли самый лучший в его

жизни подарок. В следующий момент она почему-то подумала, что слово «подарок» в данном случае относится к ней, а потом... Потом ей тоже захотелось завизжать, еще громче, чем Женька, но жесткая ладонь, пропахшая табаком и еще чем-то очень противным, перекрыла путь и крику, и воздуху. Теряя сознание, девушка попыталась вывернуться из рук этого страшного мужика, но тот только крикнул, и ладонь почти совсем закрыла лицо Татьяны. Она уже не слышала, как рядом захрипела в руках другого небритого типа ее сестренка...

Свет стремительным броском преодолел последние метры и застыл под окном храма. В тени дверного проема неумело прятался хлипкий мужичок, и охотник уже примерился к его горлу. Потом он отметил, что внутри храма пока все спокойно, лишь хриплый голос выговаривает кому-то, скорее всего поделщику:

– Да ты же, Кабан, чуть не придушил ее. И ты, Хриплый, тоже хорош. Зачем девку по морде надо было бить?

– Да не бил я ее, – голос у Хриплого действительно был таким, словно грубым наждаком по ржавому железу водили, – упала она с плеча, да рожей прямо в корягу попала. А так – ничего девка, я пощупал.

– Пощупал он, – явно довольно заворчал невидимый критик, – что, опять по жребию?

– Нет, – это опять проскрипел Хриплый, – с тобой, Юрик, по жребию неинтересно. Все равно ты первым окажешься. А после тебя, как...

– Как? – Юрик опять был недоволен, – как ты что ли? Ты ту девку ножом так искромсал, что даже Хлюпик на нее залазить отказался, а он ведь... сам знаешь.

Недомерок, оставленный часовым у дверей, вроде бы всхлипнул, а может, засмеялся – его тонкий голосок едва не заставил охотника передернуться от отвращения. Он все-таки направился к нему, к часовому, который смотрел не на сектора охраняемой территории, а внутрь храма. Наверное потому, что там для него было много интереснее. Свет остановился за его спиной, когда в полуразрушенном здании резко треснула разрываемая ткань, а следом раздался отчаянный девичий крик.

Хлюпик судорожно вздохнул, и повернул голову к Свету, не сразу осознав, что рядом стоит незнакомец. Он даже подмигнул охотнику, попытавшись поделиться с ним зарядом похоти, который так и брызнул из его глаз. Из уголка губы недомерка в одежде с чужого плеча висела длинная тонкая капля слюны, но ее Хлюпик втянуть в себя не успел. Потому что его голова продолжила движение, уже благодаря ладоням Света, и громкий треск – на взгляд охотника, был самым приятным звуком, который мог издать этот человек. Мертвое тело влетело внутрь, а следом шагнул Свет, которого обдало нестерпимой болью и ужасом девочек – здесь, в храме, ничто не могло заслонить их от вздрогнувшей души охотника. Волны злобы, растерянности и уже не скрываемого страха, что исторгли сейчас четыре человека, если еще можно было так назвать их, обтекали его, хотя и не давали расслабиться.

– А где еще один? – успел подумать Свет, и тут из темного угла храма в светлый проем двери полетела длинная очередь.

Автоматчик так и не успел понять, почему этот проем стал таким светлым —ведь в нем только что стоял широкоплечий парень, который вдруг оказался рядом с ним. Уже машинально коренастый мужик с длинным шрамом, разделившим его лицо по диагонали надвое, повел автоматом налево, и под купол храма унесся дикий крик – ээк задел одного из своих. Так же машинально охотник подумал: «Этот помучается чуть подольше», – и нанес первый разящий удар. И последний – для автоматчика со шрамом. Свет словно получил от старца, скорбно смотревшего со стены, разрешение бить в полную силу. Потому под его безжалостным кулаком голова ээка буквально вколотилась в плечи. За спиной охотник кто-то громко икнул, явно не поверив своим глазам – потому что поверить в такое было невозможно. Вот только что здесь стоял человек, может не с самым приятным выражением лица, а теперь битый кирпич попирают ноги трупа, у которого не было ни головы, ни шеи. Впрочем, стоял он совсем не долго.

Мертвое тело начало заваливаться назад, а Свет был уже посреди храма, где нервно дергал за предохранитель акэма второй автоматчик. Охотник внешне очень легко выдернул оружие из его рук и намотал стальной ствол на кулак. Вот так просто взял, и накрутил прочнейший ствол на собственную руку, словно прутик какой-то. Поэтому бандиты не проронили ни слова (только раненый в плечо позволил себе негромко поскуливать), когда Свет кивнул испуганным девочкам на дверной проем:

– Девочки, подождите меня снаружи. Я недолго.

Один из бандитов дернулся, словно хотел спросить:

– А нас? Нас тоже подождите!

Явно ни он, ни другие эки не хотели оставаться наедине с этим страшным незнакомцем. Но Свет сделал шаг вперед, и он заткнулся. А Таня с Женькой, у которой с одеждой было все в порядке, пошли, взявшись за руки, испуганно, но оглядываясь с уже проклюнувшимся интересом. Впрочем, нет – это младшая держалась за обрывки платья сестры, а та как раз эти самые обрывки старательно придерживала, чтобы в них не так отчетливо было видно ее юное тело. Свет представил на мгновение, во что бы оно превратилось, опоздай он хоть на пять минут, и глубоко вздохнул, закрывая глаза. Бандитов он не боялся; не потому, что надеялся на силу заклęcia Тагора, и не потому, что отслеживал каждое движение бандитов и на слух, и даже носом – очень уж они характерно смердели – потом, кровью и страхом.

Просто с последним шагом старшей девочки из храма, оглянувшейся теперь уже с явным любопытством, он выпустил наружу все силы, и теперь здесь правили их законы, в том числе и нравственные. И эти законы не позволили бы сделать насильникам ни единого движения. Оптика в этом полуразрушенном зале и раньше была великолепной, а теперь эки расслышали даже, как открылись глаза охотника.

Свет поднял голову и встретился взглядом со стариком – святым, которого очень давно начертала по сырой штукатурке рука неизвестного мастера. С уголка правого глаза святого медленно текла капля крови, но он – показалось ли это Свету? – медленно кивнул, пообещав взглядом, что не закроет глаз, и что... Возьмет на свою бессмертную душу все, что сейчас произойдет сейчас в этом храме.

Ни один звук не вылетел наружу – силы за этим следили бдительно, хотя некоторые крики, казалось, не смогло бы удержать ничто во вселенной. Но когда Свет через десяток минут вышел наружу, девочки, не отрывавшие взглядов от проема, который вдруг заволокла какая-то серая дымка, на мгновение оцепенели от ужаса – настолько страшным был лик охотника. Впрочем, им достаточно было один раз мигнуть, и перед ними опять стоял обычный парень, могучий даже в широченном балахоне из непонятного материала. В нем остроглазая Татьяна разглядела несколько сквозных отверстий – явно пулевых – но легкая бледность на щеках незнакомца явилась скорее всего не от ран, невидимых глазу. Таня сунулась было в храм, чтобы проверить это предположение, но крепкая рука тут же развернула ее в сторону дома – так стремительно, что она едва не выпустила из ладошек половинки разорванного платья. А мысль о доме сразу же напомнила о матери. И хотя времени с того момента, как ее схватил небритый насильник, прошло совсем немного, она почувствовала какое-то стеснение в груди. Словно боль и беспокойство матери передалось ей на расстоянии. И сестренка уже тянула за руку.

Свет проводил девочек до самого Клязьминского городка, но в поселок заходить не стал. Он только убедился, стоя за толстой сосной, что ни Суворова, ни его мотоцикла рядом с магазином нет, и тихо скользнул в лес – теперь в сторону кордона. Уже издали он услышал, как запричитала женщина; мать, наконец, дождалась своих детей.

Дома охотника встретил растерянный Сашка и хмурый Угодин. Вид последнего говорил сам за себя: «Доигрались!». Но по мере того, как охотник скупно, но очень информативно рассказывал о том, где он пропал, и что делал после того, как оставил Суворова в поселке,

лоб пожилого лесника разглаживался, но в глазах росла какая-то глухая тоска. Хотя он явно не осуждал теперь Света.

– Все, кирдык, – подвел он итог поездке корефанов в Муром, – теперь от нас ментовка не отвяжется. Тебе, парень, – он повернулся к охотнику, – надо бежать отсюда прямо сейчас и подальше.

Свет открыл было рот, но пожилой лесник замахал на него руками:

– Нет-нет! Даже не заикайся, куда поедешь! Все равно мы в ментовке все выложим, – он повернулся теперь к вставшему со скамьи Сашке, и кивнул ему, – да, расскажем! И не спорь – я знаю, что говорю. Соловьями будем разливать, наперегонки. Есть методы... Только бы не проговориться о том, откуда ты нам на голову свалился.

– Почему, – удивился Свет, – разве это что-то изменит?

– Для тебя, может и не изменит, – пожал плечами Владимир, – все равно по всей стране будут с пеной у пасти носиться. А нас точно в дурку загонят. А это хуже зоны.

Он вдруг подмигнул охотнику:

– Иди, жених недоделанный – меряй обновки!

Свет вошел в дом. На его аккуратно прибранной кровати был разложен целый гардероб. Он оглянулся в растерянности на друзей, но те закрыли за его спиной дверь, наверняка надеясь полюбоваться на него уже в праздничном наряде. Костюм, в который он вчера мог свободно завернуться три раза, теперь был впору; как и все остальное. Даже носки на кровати лежали, поглаженные. Охотник вспомнил вчерашний визит Иры Захаровой, Сашкиной пасии, и хмыкнул – не зря женщина так долго и пристально изучала его фигуру. Туфли (одетые им впервые в жизни), тоже пришлось впору – тут уж, как догадался Свет – постарался Угодин. Он же и ахнул первым (может, даже не нарочито), когда охотник, одетый с иголочки, вышел во двор.

– Точно жених, – обошел он Света с восхищением во взоре, – хотя нет! Народный артист. Хоть прямо сейчас на съемочную площадку. А теперь, – скомандовал он, – марш обратно в комнату и поваляйся так на кровати с пяток минут.

– Это еще зачем? – быстрее Света отреагировал Суворов.

Он явно обиделся за труды своей начальницы.

– А затем, – наставительно поднял указательный палец Угодин, – что в таком виде на него половина Коврова вешаться будет. Женская. А другая половина зубами скрежетать, от бешенства. Давай-давай – обомнись чуток, и лицом не сияй, как золотая монета.

– Кстати о золоте, – вспомнил охотник, – я хотел с вами по-братски...

– Нет, – решительно замахал на него, а заодно и на оживившегося Суворова, – все равно отберут. А золото – это еще одна статья. Так что давай – по-быстрому собирайся, и беги на электричку. Не опоздать бы.

Рядом с мешком Света предусмотрительный Владимир положил немного потрепанный, но вполне солидный портфель, и длинный черный футляр.

– Тубус, – вспомнил Свет название пустой пока картонной коробки для чертежей, – для меча.

Охотника обдало теплой волной благодарности к Угодину. Сам он о мече даже и не вспомнил. Может, потому, что оружие раньше всегда было при нем? Он поглядел с сомнением на кровать, которой здесь тоже не было бы, не прояви заботу лесник. Он не стал бросаться, как предлагал Владимир, в постель прямо в костюме и обуви. Охотник просто провел руками по одежде, подпрыгнул, отмечая некоторой неудобство в еще не разношенных туфлях и подошел к зеркалу, неведомо почему оставленному прежними владельцами. В большом овальном стекле отразился парень, отличавшийся сейчас от миллионов подобных людей разве что широкими плечами да пронзительными голубыми глазами, взгляд которых мало кто смог бы выдержать. Но Свет с собственной фигурой экспериментировать не собирался, так же,

как и играть в детскую игру: кто кого переглядит. У него сейчас была гораздо более важная и сложная задача – скрыться от представителей местных сил правопорядка. Они, как уже понял охотник, если и отблагодарят его за ликвидацию банды преступников, то весьма своеобразным способом. Он хищно улыбнулся, представив себе лица тех стражей, что первыми зайдут в старый храм. Его самого чуть не передернуло сейчас. Свет вспомнил, как получив безмолвное согласие старца на стене, он выпустил наружу все, что хранилось в самых дальних уголках его памяти; все, связанное с отвратительными обрядами Узоха. А еще он помнил последний, понимающий взгляд святого, у которого при прощании кровавые слезы текли уже из обоих глаз.

На дворе его одобрительным взглядом встретил Угодин. Сашка топтался рядом с растерянным лицом, и его корефан подтолкнул парня к Свету:

– Прощайся.

Суворов неловко ткнулся в грудь охотника, и повернул лицо к Владимиру:

– А ты?

– А я провожу до станции, – ухмыльнулся Угодин, – а то наш гость, пожалуй, и билет на электричку купить не сможет. А ты, Сашок (он несильно хлопнул по груди Суворова), еще раз пробегись по усадьбе, да протри все тут, подчисти следы. Может, Свету один лишний денек и выгадаем.

Свет чуть слышно хмыкнул – он, с одной стороны, и сам прибрался на кордоне, как мог, а с другой – ему ли, охотнику и следопыту с детских лет, не знать, что все следы пребывания человека скрыть невозможно.

Уже поворачивая по тропе к железнодорожной станции, охотник в последний раз оглянулся. Он знал, что никогда не вернется на этот кордон. Но именно об этих местах – бревенчатом доме и его обитателях; лесном ручейке и его живительной воде; наконец о старинном храме и лике с кровоточащими глазами он в первую очередь будет вспоминать, когда услышит слово «Земля».

А Угодин не давал ему отвлекаться, инструктировал. Но сначала достал из кармана горсть измятых бумажек. На слабое возражение охотника он лишь зыркнул глазами, но часть купюр все-таки сунул обратно в карман.

– Ладно, – решил он, – доеду с тобой до Коврова, – куплю там на оставшиеся денежки водяры и нажрусь, как... Как никогда не нажирался.

– Зачем? – не понял сразу Свет, – можешь попрощаться со мной как-нибудь по-другому.

– Ты не девка, – грубо пошутил Владимир, – что с тобой прощаться? А нажрусь я, чтобы менты дня три меня допросить не смогли. Когда найдут, конечно – прямо на вокзале.

– Так эти три дня можно просто прятаться, – опять не понял Свет

– Нет, – довольно засмеялся Угодин; может быть в мыслях он сейчас подносил ко рту первый стакан, – тогда меня объявят в розыск. А этого не нужно не мне, ни тебе.

Он не дал охотнику удивиться еще раз. Залез рукой в другой карман – теперь уже нагрудный, на форменной куртке – и протянул Свету тоненькую красную книжицу.

– Это мой паспорт. Конечно, я на тебя не очень похож, да и возраст у нас... Но это уже твои проблемы. Три дня у тебя есть. А потом – уничтожь его, чтобы даже следов не осталось. А я (правильно понял Угодин вопросительный взгляд Света), заявление потом напишу о пропаже. Штраф заплачу, и новый получу. Чтобы самому тоже походить на фотку.

Охотник открыл паспорт. На него с маленькой картинки смотрел напряженным взглядом парень, весьма отдаленно напоминавший лесника. Потому что был аккуратно пострижен и причесан, не менее тщательно выбрит, да еще украшен галстуком, что прилагался к костюму.

– Пожалуй, – подумал он, оглядев себя мысленно со стороны, а Угодина воочию, – посторонний человек сейчас бы этого парня принял скорее за меня, чем за Володю.

Маленькая станция «Гостюхино» встретила их вполне обыденно. До небольшой кучки местных жителей, толпившихся по случаю теплой погоды на перроне, еще не дошли жуткие слухи из Клязьминского городка. Свет, как договаривались, подошел к станции чуть позже. Он встал в небольшую очередь через одного будущего пассажира от Угодина. Они попросились еще в лесу. Теперь же охотник вполне успешно обменял желто-коричневую купюру с надписью «Один рубль» на билетик, и еще получил на сдачу кучу металлических монет. Каждая из них своим качеством могла произвести фурор в родном мире Света. Так же, впрочем, как его золотой и бриллиантовый запасы на любого, кто сейчас стоял рядом. Угодин уже нашел тут знакомых, и его громкий смех разносился по перрону. А скоро подошел и электропоезд. В это чудо земной техники Свет заскочил уже вполне привычно – так же, как вышел через три остановки на станции «Ковров – 1». Чем она отличается от второго (а может и третьего) Коврова, охотник так никогда и не узнал. Потому что сразу же взбежал по деревянным ступеням, что вели от старенького двухэтажного вокзала на широкую площадь, кишевшую людьми и транспортом.

– Хорошо, – подумал он, – что в компе у Мыльниковых было немало сведений именно об этом времени – благодаря Сурикову. А может... (он даже резко остановился, так что какая-то тетка с полными авоськами едва не наткнулась на его спину) я потому и попал сюда, именно в двадцатый век?

Сейчас он благодаря давним знаниям, приобретенным еще в родном мире, мог отличить троллейбус от автобуса, а обычную легковушку – от такси. К стоянке последних он и направился, нагнувшись к полуоткрытому окошку автомобиля, украшенного «шашечками». Водитель флегматично глянул на него, словно не был заинтересован в пассажире. Рядом стояло еще несколько таксомоторов, и никакой очереди к ним не наблюдалось. Может потому, что от остановки рядом один за другим отходили «рогатые» троллейбусы?

– До Владимира доедем? – выпрямился Свет, уже готовый перейти к другому водителю

– Доедем, – также флегматично сообщил таксист, – пять рублей.

– Чего так дорого? – как самый настоящий землянин, гражданин страны Советов, – возмутился Свет.

– А обратная дорога? – ответил вопросом на вопрос водитель, – кто сейчас из Владимира сюда поедет, если через каждый час электрички ходят?

Свет об этом знал. Даже намеревался первоначально так и ехать на электричке, до самого Владимира. Но чего он мог увидеть, или услышать там, кроме разговоров попутчиков? Он и так наслушался за пятнадцать минут, пока электричка ехала до Коврова, столько, что мог считать себя коренным ковровчанином. А здесь, рядом с водителем, он надеялся приобрести еще один важный и нужный навык – вождение автомобиля. Потому он и сел решительно на переднее сиденье, хлопнув за собой дверцей. Купюра – на этот раз синего цвета – уже была в его руке, и таксист ловко выхватил ее. Мерно защелкал счетчик (эти сведения тоже были в голове Света), и «Волга» выехала с привокзальной площади.

– Поедем по трассе, – повернулся к нему таксист, которого, как оказалось, звали Александром (очень распространенное имя), – немного подальше, но во Владимир попадем быстрее, чем по прямой, через Камешково. Тебе во Владимире в какой район надо.

Свет махнул рукой: «Там видно будет!». Он сейчас расслабился, слился в одно целое с автомобилем, и примеривал к себе мастерство водителя. Отвлёкся он, только когда таксист ткнул пальцем влево по ходу движения, уже не в Коврове, а в длинном поселке, название которого охотник пропустил.

– Мелеховская колония, – сообщил Александр, – отсюда недавно шестеро эков сбежали, до сих пор ищут.

– Уже, наверное, нашли, – усмехнулся про себя Свет; он подивился информированности таксиста, но тут же, поковырявшись в памяти, вспомнил, что такие люди всегда и везде узнают новости одними из первых.

Он порадовался неразговорчивости водителя, и продолжил вслед за ним мысленно управлять машиной. А потом, чуть напрягшись, послал волну одобрения и просьбы двигателю. Удивительно, но мотор действительно зашумел ровнее и мощнее, и «Волга» рванула вперед так, что Александр удивленно закурил головой.

– Надо же, – воскликнул он, – она так даже новой не бегала. Так мы и до Москвы часа за три без остановок домчали бы.

– А поехали, – подначил его Свет.

Такси как раз поворачивало на светофоре на Горьковскую трассу, и водитель, кивнув постовому как хорошему знакомому, ответил не сразу. Но ответил.

– Денег не хватит расплатиться.

Свет ненадолго задумался, но потом все-таки решился, полез рукой в портфель. Водитель принял из его руки золотую монету и принялся обследовать ее, держа руль одной рукой. К удивлению охотника, он даже куснул золото зубами, после чего удовлетворенно кивнул.

– Настоящее. Только теперь у меня сдачи не хватит.

А Свет, не подумав, успокоил его:

– Если действительно домчишь за три часа, сдачи не надо.

Вот теперь Александр взглянул на него внимательно, цепким оценивающим взглядом. Он явно оценил и новый костюм, и модельные туфли, которые Свет каким-то образом умудрился не запачкать в лесу, и уверенный вид их владельца. В его глазах охотник прочел одну простую и резонную мысль: «А не отберут потом монету-то, кому положено?». И даже успел посочувствовать, вспомнив опасения Угодина: «Конечно, отберут». Ему стало немного жаль этого мужичка, в котором сейчас жадность боролась со здравым смыслом, но он очень вовремя вспомнил голос Муромца, его слова о боли Земли, и сохранил невозмутимое выражение лица. Жадность победила таксиста.

– За три не обещаю, – спрятал он монету тем же неуловимым жестом, что прежде пятирублевку, – а за четыре точно долетим.

– Годится, – Свет закрыл глаза; контролировать автомобили – и «Волгу», и те, что приближались к ней опасно близко, он мог и так.

А на поля, сменившие сосновый лес, и деревушки, что проносились мимо, он уже насмотрелся. Водитель разбудил его (так он сам посчитал) уже перед Владимиром. Свет успел ощутить благостный ветер, которым его одарил высокий храм с левой стороны, покрытый строительными лесами.

– Боголюбский монастырь, – правильно понял быстрый взгляд охотника Александр, – женский, между прочим. Сколько лет тут ездю, его всегда ремонтируют. Как поедем-то – через город, или объедем, по Пекинке?

– Через город, – решил Свет, – только останови где-нибудь, надо что-нибудь поесть взять.

– Тогда это не здесь, – сообщил таксист, – мы лучше за городом, в кафешке остановимся, горяченького похлебаем. Я тоже с самого утра из машины не выходил.

Он явно разговорился, и теперь охотник был не против – тому было что рассказать о древнем городе. Но сначала по обеим сторонам дороги потянулись жилые дома, больше частью одноэтажные, старые. Потом этажность выросла, и по правую сторону – там, где сидел Свет – показалась громада промышленного здания. Водитель не успел сказать ни слова, а охотник уже жалел людей, которых в этом здании было очень много.

– Химзавод, крупнейший в России, – с непонятной гордостью заявил Александр, – и Свет еще раз пожалел работников, которые, может сами того не сознавая, с каждым глотком отравленного воздуха укорачивали жизни и свои, и своих потомков.

Скоро с противоположной стороны принесло запахи свежего хлеба, но охотник не успел – хотя бы посредством обоняния – насладиться продукцией Владимирского хлебокомбината, потому что тут же, опять с правой, по ходу движения, стороны ударило по нервам такой

кошмарной смесью злобы, страдания и равнодушия, что Свет непроизвольно дернулся рукой за спину, где ее раньше всегда ждала рукоять меча. Водитель заметил это движение и с еще более непонятной гордостью выпалил:

– Владимирский централ!

Он замычал какую-то песенку, в которой охотник разобрал только эти два слова, но быстро умолк, когда слева над «Волгой» нависли древние каменные стены, побеленные совсем недавно. Здесь смесь эмоций, которые веками впитывал камень, была еще причудливей. Свет тоже чувствовал боль людей, явно томившихся здесь в застенках, равнодушие стражей в погонах и без них; стражей, давно переставших эту самую боль воспринимать сердцем. А сквозь них пробивалось что-то древнее и неизбывное, которое тщетно пытались стереть все последние десятилетия. Александр понизил голос, хотя никто их в салоне не мог слышать, и подсказал, чем объясняется такое чудовищное несоответствие:

– Областной кагэбе. Если у тебя таких золотых монет много, вот эти ребята к тебе и придут, – охотник промолчал, а таксист продолжил, – а раньше тут попы сидели. Тоже монастырь был. Вроде бы в нем когда-то самого Александра Невского похоронили. Потом, правда, увезли в Питер.

Свету это имя было знакомо. В закромах памяти оно стояло на почетном месте рядом с Муромцем. А спереди накатывало совсем могучее – сначала слева, где на высоком холме стоял Успенский собор, когда-то самый главный для всех православных России, а потом, спереди, от Золотых ворот. Мимо этих древних стен, теперь оказавшихся в самом центре Владимира, а когда-то вставших нерушимой твердыней на пути Батыевой орды, Александр проехал очень медленно, так что охотник успел нырнуть и понежиться в источнике силы, который буквально бил во все стороны от древнего памятника русского зодчества.

– Двенадцатый век, – с почтением произнес таксист, и прибавил газу.

Совсем скоро «Волга» с победным ревом вырвалась из Владимира, и помчала по трассе, в этом месте на удивление гладкой. Так что водитель сделал вид, что забыл об обещании покормить пассажира (и себя, любимого, конечно). Он видимо вспомнил про те четыре часа, которые обещал Свету. А в том, что пассажир при желании сможет вернуть себе золото, он ни минуты не сомневался. Однако чем дальше такси мчалось от областной столицы, тем асфальт становился более разбитым, а значит, менее скоростным. И водитель все-таки остановил «Волгу» в Киржаче, на самой границе двух областей. Еда в придорожном кафе оказалась на удивление вкусной, хотя мясо не шло ни в какое сравнение с глухариным, которое они с лесниками так и не успели доесть. Видимо, повар здесь был настоящим чудесником. А вот во сколько оценили его труд, охотник так и не узнал, потому что Александр замахал на Света руками, оплатив ранний ужин в счет прощенной сдачи.

И опять «Волга» неслась по трассе, которая в Московской области оказалась неизмеримо лучшей. Потом была длинная пробка в Балашихе, где Александр нервно смотрел на наручные часы. Свет, сжалившийся над ним, обещал вычестить это стояние из времени поездки, и повеселевший таксист принялся напевать что-то себе под нос. Такси, наконец, въехало в Москву, о чем сообщили громадные буквы на обочине, выполненные из металла. Назад очень медленно плыли высотные здания, заинтересовавшие охотника лишь поначалу. Скоро их вид, и главное – дикое смешение чувств сотен тысяч человек, которые считали эти бетонные коробки главным прибежищем в жизни – наскучили Свету, и он стал вглядываться вперед, где, по словам водителя, находился центр города и России. Может, окажись охотник там, он оценил бы благость этого места, которое во всем этом мире называли Кремлем, но пока он видел – только ему подвластным зрением – как в небо поднимается тонкий черный дымок, сотканный из беспримерной усталости и невозможности понять, когда ужас, длящийся годы и десятилетия, закончится. В скороговорке Александра охотник расслышал знакомое слово «мавзолей»,

вспомнил зловещий черный монолит, который видел в столице погибшей Дугании на месте усыпальницы Горна, и неосторожно спросил:

– Мавзолей – чей?

Водитель посмотрел на него с откровенным подозрением, и даже, пожалуй, с заметным испугом:

– Как чей? Ленина, конечно.

И Свет вспомнил про этого человека, про длинную очередь жаждущих попасть внутрь гранитной могилы, чтобы поклониться телу давно умершего человека. А многие, чтобы просто поглазеть. Сам он признавал только один честный и безоговорочный способ прощания с покойником – очищающий все огонь. С немалой натяжкой соглашался с тем, что упокоившихся родных можно закопать поглубже – так, чтобы не достали дикие звери.

– В конце концов, – подумал он, – земля тоже несет благо человеку, – почему бы ему не вернуться в ее лоно?

А водитель видимо уже решил какой-то мучивший его вопрос, потому что заявил не терпящим возражения голосом:

– Довезу только до Курского вокзала. А там куда хочешь – на сам вокзал, на метро, да хоть к тем же столичным таксистам подойди, они тебя за золото хоть в Америку увезут.

– В Америку мне не нужно, – ответил Свет спокойным голосом, от которого водитель выпрямился, словно вез по меньшей мере секретаря обкома партии, – а про золото советую побыстрее забыть, как и про меня. А лучше – сплавь его куда-нибудь побыстрее.

Водитель дисциплинированно кивнул и решил, что последует этому совету, даже не заезжая в Ковров...

– Ну, бывай, – Свет пожал Александру руку, и захлопнул дверцу «Волги».

Автомобиль тут же унесся прочь от вокзала, залитого светом. Внутри огромного здания, в котором стекла было больше, чем бетона, его встретил неумолкаемый гомон толпы и длинная линия касс поездов дальнего следования. Свет даже немного растерялся, когда вскинул глаза вверх, на табло, как раз чем-то громко затрепавшее. Строчки на нем поползли вверх, а голос неизвестной тетки, с которой охотник никогда не хотел бы встретиться, невозможно противным скрежетом пригласил всех на посадку на скорый поезд «Москва – Ярославль». Свету, в общем-то, пока было все равно, куда ехать; он ждал какого-то знака, и дождался!

Совсем рядом затренькала, едва перебивая людской гам, гитара, и такой же негромкий юношеский голос пропел уже давно известную Свету песню о том, что лесоустроителям летом в Воронеже тесно, и что они где-то там в тайге, вдали от вытрезвителей... Охотник теперь знал, что такое вытрезвитель – просветил Угодин.

– Я, – сказал он, ухмыльнувшись, еще в лесу, – там и отлежусь. А оттуда прямо на нары. Не бойсь (прихлопнул он тогда по плечу нахмурившегося охотника) – выпустят. Всю душу вытрясут, и выпустят. Потому что ин-кри-ми-ни-ро-вать мне нечего.

Он так и сказал это слово по словам, и Свет улыбнулся, подходя к парнишке с гитарой – явно студенту, и его такой же молоденькой спутнице. Но впереди него перед юной парой оставилась гигантская туша, необъятная во всех трех измерениях. Даже сзади от него невыносимо несло сивушным перегаром. Слова гиганта лишь подтвердили вывод охотника – этот человек был пьян, и душа его требовала продолжения праздника. А какой для пьяного русского самый лучший праздник? Конечно, драка. Правда, противника он выбрал себе явно не соразмерного – очкарик перед ним был, пожалуй, втрое меньше размерами. Зато здесь был повод, да еще какой!

– Что ты знаешь про вытрезвители? – проревел здоровяк, явно обдав парочку мощным выхлопом алкоголя и сивушных масел, а может, еще чего (Свет вдруг вспомнил такого же здорового шахриханца, надсмотрщика за рабами, с его гнилым нутром).

– Ничего, – на удивление твердо ответил очкарик, задвинув за спину спутницу.

Уже одним этим он получил одобрителный кивок охотника, и еще большее желание последнего вмешаться в драку. Впрочем, драки как таковой не получилось бы. Могучий размах тяжелой руки алкоголика скорее всего сразу отправил бы паренька в нокаут, а может, и куда подальше. Но эта рука вдруг застыла в воздухе, встретив не менее мощную. Свет одним рывком развернул к себе здоровенную тушу, которая уже открыла рот, чтобы криком заявить всему залу о сломанных костях. Но Свет помнил и о запахе, и о том, что в кармане у него чужой паспорт. Внешне несильный удар открытой ладонью по груди заставил гиганта согнуться, сравниваясь ростом с охотником, и открыть широко рот в бесполезной попытке впустить в легкие глоток живительного воздуха. Этого Свет и добивался в первую очередь. Огромный детина с налитым кровью лицом и протрезвевшими уже глазами так и не успел обдать его своим амбре. Свет так же несильно стукнул его ребром ладони по горлу. Такой удар знают многие; а в кино, наверное, видели все. Но не каждый мог нанести его правильно – чтобы не покалечить, или даже не убить сдуру. А лишь отключить на время – на которое нужно умелому бойцу. Свет умел. Здоровяк, вроде сдувшийся, уменьшившийся в размерах, опустился на плиточный пол, не заставив его содрогнуться, как того ожидали окружающие. И сразу же голосом, ничем не уступавшим тому, что опять прозвучал в динамиках вокзала, какая-то тетка заорала, перекрывая привычный гомон:

– Милиция! Человека убили.

Паренек с девушкой не успели ни удивиться, ни возмутиться. Какая-то непонятная сила подхватила их и опустила уже в противоположном углу вокзала, да еще на втором этаже, где сидели, разговаривали, и даже спали транзитные пассажиры. Они сидели рядышком на скамье и держали в руках все свои вещи, кроме гитары. Последнюю протягивал хозяину парень с широченными плечами и могучей грудью, которые не мог спрятать стильный костюм, очень естественно сидевший на нем. Но самыми примечательными, как потом рассказывала друзьям парочка, были его глаза. Пронзительно голубые, они поражали сейчас, осенью, своей по-настоящему весенней свежестью. Еще они были требовательными, а в самой глубине плескалась какая-то боль. Но не та – понял вдруг Витек, так звали паренька – которая возникает от зубной или любой другой физической боли. Нет – внутри этого человека, только что избавившего их от больших неприятностей, словно жила боль за всю несправедливость, творящуюся в мире. А еще – горячее желание эту несправедливость притушить, в крайнем случае, взять ее на себя.

Голос парня, назвавшегося Святославом – но не Славиком, а Светом – был вполне обычным; никакой святости в нем, как почему-то ожидал Витек, не было.

– Из Воронежа, ребята? – спросил он дружелюбно, словно не повергал только недавно огромного алкаша наземь.

– Он, – ткнула парнишку в плечо тонким пальчиком Леночка, спутница Витька, – из Воронежа. Ну и я, получается теперь тоже. Мы в институте учимся, лесотехническом. А сейчас в Петушки едем, электричку ждем. Везу этого охломона (слово прозвучало с такой любовью и нежностью, что Витек сразу осветился улыбкой) с моей мамой знакомиться.

Свет тоже улыбнулся:

– Ну и как там, в Воронеже?

– А мы сейчас не из Воронежа, – вступил в разговор Витек, – мы с практики.

Он отметил взгляд не понявшего его охотника, и пояснил с гордостью:

– Нас как лучших студентов курса на преддипломную практику отправили в Красноярский край, на место падения Тунгусского метеорита.

– Не болтай ерунды, – строго перебила его Леночка, и Витек послушно замолчал, показывая, кто в будущей семье будет главным, – никто нас до этого метеорита не допустил бы. У нас там (она повернулась к Свету) рядом с кратером пробные площадки заложены. Там в девятьсот восьмом году двести тысяч гектаров леса за несколько секунд вывалило. Вот такая страшная рана на теле Земли появилось. И что интересно – больше семидесяти лет с тех пор прошло,

а лес путью так расти и не хочет. Словно там кто-то из земли все соки выжимает. Проснешься ночью в палатке и чудится, что она стонет – словно болит у нее что-то...

Дальше Свет слушал в полуха. Он кивал, улыбался, вставлял реплики, но перед его взором будто кто писал горящие ярким пламенем слова: «Стонет... болит... боль... Черная боль...». Он понял, куда направит свой путь. Не знал пока как, но уже стремился туда, где уже почти семьдесят пять лет ученые бились и никак не могли решить загадку Тунгусского метеорита...

Глава 39. Тайна Тунгусского метеорита

Полковник Олег Петрович Попцов любил свой кабинет. Любил стоять вот так, и смотреть в чуть приоткрытое окно, на спину Феликса Эдмундовича, изваянного в бронзе. Сейчас спину омывал не по-осеннему теплый дождь. У Олега Петровича как раз случилось несколько минут до вызова наверх, к заместителю Председателя. Он еще раз глубоко вдохнул напоенный влагой воздух, и поспешил закрыть окно. Когда дверь закрылась за вошедшим без стука человеком, плотная штора уже не колыхалась. Но Сергей Николаевич – тот самый начальник, который решил сам спуститься на этаж ниже, в кабинет подчиненного – прямо от двери шутливо погрозил пальцем.

– Опять в окно смотрел? Гляди – доложит наружка, что ты сигналы иностранному агенту подаешь.

Вытянувшийся в струнку офицер у окна чуть расслабился. Начальник шутил, и для начала тяжелого разговора, к которому Попцов готовился тщательно, но так и не смог сделать всех нужных выводов, это было не плохо. Олег Петрович даже позволил ответить в том же (ну почти в том же) шутливом тоне:

– Так ведь рапорт все равно на ваш стол ляжет, товарищ генерал-лейтенант. Вы уж по старой памяти...

Начальник прошел к креслу хозяина кабинета, суровая лицом, и Попцов не решился продолжить. К столу – к месту, на которое полковник сам обычно смотрел из-под портретов Генерального секретаря и Председателя комитета – он подошел уже собранным, настроенным на долгий откровенный разговор. В деле, которое вел сейчас полковник по поручению самого Председателя, было много непонятного. И Попцов, поначалу удивившийся, зачем нужно было отбирать толстые тома и вещдоки у МВД, с которым и так в последнее время складывались не самые дружеские отношения, очень скоро подивился прозорливости главного чекиста страны. Такого дела старшему следователю Попцову еще ни разу не попадалось. От него так и разлило той самой государственной тайной, которую не откроют посторонним никогда. Если, конечно, она сама не вылезет на всеобщее обозрение.

Генерал прервал его короткие размышления:

– Докладывай, Олег Петрович, что там с этой колонией... Мелеховская кажется.

Начальник сейчас немного кокетничал. Память у него была феноменальной. Не в последнюю очередь благодаря ей он и взлетел так высоко в иерархии комитета.

– С колонией все в полном порядке, – отрапортовал полковник, – особенно сейчас. Зеки молчат, как воды во рты набравшие, и без всяких понуканий выполняют любое распоряжение администрации колонии. Наш человек говорит, что такого он еще не видел.

– Боятся, что ли?

– Боятся, – кивнул Олег Петрович, – но не администрации.

– Кого же тогда? – чуть удивился генерал.

– Того, наверное, кто учинил вот это.

На стол перед генералом легла куча фотографий, и он, взяв верхнюю, невольно отшатнулся, ударившись головой в высокую спинку кресла. Сергей Николаевич за долгие годы службы повидал многое, но сейчас он не мог даже представить, что испытывал человек на фотографии в последние мгновения своей жизни, если даже в смерти он продолжал так корчиться в ужасе. А полковник подвинул следующую фотографию, где труп был снят целиком.

– Видимых повреждений на теле не обнаружили, – сообщил он, взяв в руки следующее фото, – впрочем, как и невидимых. Причины смерти эксперты не установили.

– Даже Прохор? – поднял голову генерал.

Проход был старейшим экспертом комитета, специалистом как раз по таким вот убийствам. Ходили слухи, что работать в комитете он начал раньше, чем Лаврентий Берия – тогда чекисты именовались по другому и форму носили в обязательном порядке.

– Даже Проход, – кивнул Попцов, и, помолчав, добавил, – впрочем, нет, причину он назвал – от ожидания.

– Ожидания чего? – еще раз удивился генерал, который, впрочем, уже и сам почти догадался.

– Этим людям сделали очень больно... Не знаю как именно, но сделали. И пообещали, что будет еще хуже, вот...

– Сердце не выдержало?

– Там написано, – деликатно напомнил начальнику подчиненный, ткнув пальцем в толстую папку, – что никаких физических изъянов в трупах не найдено. В сердечных мышцах в том числе.

– Понятно, – кивнул начальник, – мистика...

Олег Петрович едва не подавился – именно этим словом он и обозначил свое первое впечатление от нового дела. Теперь генерал деликатно вернул подчиненного к теме:

– Свидетели?

Полковник задумался, но все-таки решил назвать тех, кто до свидетелей не дотягивал.

– Есть две девчушки, две сестры четырнадцати и одиннадцати лет, их от этих эзков и спасли. Едва успели. Точнее успел.

– Кто?

Полковник открыл приготовленную папку и зачитал:

– Мужчина, на вид двадцати-двадцати двух лет. Светлые волосы, голубые глаза... очень голубые; крепкого, даже очень крепкого телосложения. Рост метр восемьдесят пять.

– Это девочки рассказали?

– Нет – девочки тоже описали его, но не так подробно. Еще они сказали, что он выставил их из старого разрушенного храма, где все и происходило, а сам остался с эсками на десять минут – не больше. Но никаких криков они не слышали. Впрочем, в храм их он больше не пустил. А трупы после их рассказа обнаружил местный участковый.

– И правильно сделал, – проворчал генерал, явно имея в виду не участкового, а голубоглазого незнакомца.

Он бросил фотографию в стопку, и взял другую. Теперь старый чекист не отшатнулся, но полковник понял, что потрясение он сейчас испытал не меньшее. И даже знал почему. Олег Петрович и сам застыл в благоговейном ужасе, когда взял в руки фотографию полустертой настенной фрески. С нее на Попцова остро и бесконечно печально смотрел лик какого-то святого. С уголков глаз мученика текли кровавые слезы.

– А это кто? – все-таки взял в себя в руки начальник.

– Еще один свидетель, – с грустной улыбкой ответил полковник, – этот святой «видел» все. Эксперты утверждают, что кровь в его глазах человеческая...

– И? – понял генерал недосказанность фразы.

– И что она из раны, нанесенной не меньше двухсот лет назад. А местные жители, между прочим, в один голос утверждают, что никакой крови на лице никогда не было...

Пауза затянулась; наконец генерал напомнил:

– Ну, что там другой свидетель?

– Женщина, что этого богатыря ковровского обшивала. Ирина Захарова, помощник лесничего местного лесокомбината. Видела фигуранта накануне событий. Сказала, что такого сложения не видела даже в учебнике по истории древней Греции. Он вышел из дома, обнаженный по пояс, и утверждал, что является братом подчиненного Захаровой, лесника Александра Суворова.

- Ух, ты! – восхитился генерал, – не родственник?
- По первоначальным данным, нет, хотя он к тому же еще и Васильевич. Нужно копнуть глубже?
- Не надо, – махнул рукой Сергей Николаевич, – давай дальше, что там про этого богатыря?
- Про то, что богатырь ковровский, это я по месту событий обозвал. Тот же Суворов утверждает, что этот Свет – инопланетянин, прибыл на Землю в поисках пропавшей жены и сына.
- Какой свет? – удивился генерал.
- Это имя его, Сергей Николаевич. Светослав. Но предпочитает, чтобы его называли Светом.
- Свет, – погонял на языке такое знакомое слово начальник, – нужно быть очень уверенным в себе человеком, чтобы нести такое имя людям.
- Полковник удивленно глянул на начальника; он никак не ожидал в ходе обсуждения оперативного дела такой вот выспренной фразы. Тем не менее он кивнул и продолжил.
- Суворов, надо сказать, по этому пункту говорить не собирался. Раскололся только после того, как вкололи дозу.
- Генерал чуть поморщился – «доза» была слишком суровым испытанием для организма; не все ее выдерживали. Однако о состоянии «пациента» спрашивать не стал.
- Еще какие-нибудь доказательства инопланетного происхождения этого Света есть?
- Вопрос был задан внешне очень спокойно, но в этом спокойствии полковник различил такую чудовищную порцию сарказма, что не без удовольствия выпалил: «Есть!», – и выложил на стол монету.
- Золото? – генерал взял в руки желтый кругляш далеко не идеальной формы.
- Золото, – кивнул Олег Петрович, – этой монетой Свет расплатился с таксистом, который довез его до Москвы, до Курского вокзала.
- Бесплатно, получается, отвез.
- Да нет, – позволил себе улыбнуться полковник, – он еще по дороге назад ее цыганам толкнул – по совету того же Света, кстати.
- Сильны, – покачал головой начальник, – отыскать у цыган такое...
- А мы и не нашли, – не стал брать лишней славы на себя полковник, – цыгане ее сами в милицию принесли.
- Во как! – сильнее, чем прежде изумился генерал.
- Вот так, – подтвердил Попцов, – я сам чуть со стула не упал, когда услышал такое.
- И что же цыган подвигло на такой подвиг?
- Колдунья. Цыганская колдунья. Сказала, что на этой монете крови и страданий больше, чем во всем их таборе, и велела сдать ее властям, – полковник тут же, без напоминаний, доложил, – эксперты уже сделали заключение.
- И чем же они нас порадовали?
- Было видно, что уставший генерал уже ничему не удивится. Однако его брови опять полезли вверх, когда подчиненный начал перечислять:
- Монарх, что на ней изображен, исторической науке неизвестен. Язык тоже – не удалось расшифровать ни одного слова.
- А золото? – задал вполне законный вопрос Сергей Николаевич.
- Монету мог изготовить даже кузнец поопытней, а вот спектральный анализ пока никто не отменял.
- Месторождение, на котором добыли этот металл, нашим ученым неизвестно... А что касается времени, когда была изготовлена эта монета...
- Что с возрастом? – генерал чувствовал очередной подвох.

– Один ученый-чудак, которого коллеги называют гением, сравнимым с Эйнштейном, уверяет, что эту монету изготовят лет эдак через двести пятьдесят!

Теперь молчание длилось гораздо дольше.

– И где теперь нам этого Света искать? – спросил, наконец, генерал.

– Есть еще свидетель, – признался Попцов, – он сидит у нас, и тоже рассказывает сказки про инопланетян. Даже без «дозы» – умнее оказался, или опытней. Так вот – этот Угодин, Владимир Николаевич, сразу после событий трое суток отсидел в вытрезвителе.

– И что?

– В это же самое время он купил билет в Домодедовском аэропорту и улетел в Красноярск.

– Прямо вот так взял и без всякой брони купил? – брови генерала взметнулись еще выше.

– Прямо так и купил, – кивнул полковник, не погружая занятого начальника в кипу допросов, в том числе и очень многих из аэропорта, начиная с его начальника.

Генерал резко встал.

– Кажется, я начинаю верить в инопланетян. Вот что, Олег Петрович. Собирайся-ка ты в командировку, в Красноярск. Начальнику областного управления я позвоню сам...

...Костер едва тлел, создавая под вывороченным корнем огромного кедра почти домашний уют. Раньше – в родных краях – Свет действительно считал лес домом. После того, как мастер Ли покинул его, молодой охотник все чаще оставался на ночевку где-нибудь вот под таким же пнем. Правда, тогда один бок грел Волк. Охотник вздохнул, перевернув ляжку оленя, нанизанную на черенок, на противоположную сторону. Он не боялся, что соблазнительный запах привлечет сюда хищника. Тигров здесь не водилось, медведи уже залегли в долгую спячку. Ну а если какой и остался бродить шатуном, то опыта «борьбы» с медведями Свету было не занимать. Тем более, что зима только начинала вступать в свои права, и толстые мишки вполне могли продержаться какое-то время на подножном корме.

Самого Света вот уже два месяца кормила тайга. Он не страдал от отсутствия общения; наоборот – отдыхал от его избытка. Охотник чуть не вздрогнул, вспомнив бесконечную очередь за билетами в аэропорту. Очередь на удивление спокойно восприняла появление у кассы голубоглазого пассажира с чертежной коробкой и портфелем в руках. Впрочем, пассажиром он стал, только получив на руки билет до Красноярска. Денег едва хватило, и Свет, успешно преодолев со своим режущим, колющим и метаемым оружием несколько постов охраны, погрузился с необычной ручной кладью в самолет и уже там немного утолил голод, подчистив все на своем маленьком подносе.

И опять Свет поразился – в самолете, в замкнутом пространстве, защищенный и от ветра, и от иных напастей слоем металла, он не ощущал никакого азарта, никакого желания петь, чувствуя вырастающие за плечами невидимые крылья. А ведь скорость аэроплана была несопоставимой с мотоциклетной. А еще охотник почему-то был недоволен, что все сейчас в руках пилотов, и он – Свет – если что случится...

Ничего не случилось, и скоро охотник на последние монеты покупал в магазине две пачки соли и несколько пачек спичек. Еще и на большой пакет сухарей хватило. В сибирскую столицу охотник так и не попал. Прямо из аэродрома он скользнул, никем не замеченный, в тайгу, и очень скоро убедился, что делать огромную дугу, чтобы обогнуть миллионный город, не придется. Потому что он встал спиной к длинной посадочной полосе, которую еще можно было разглядеть за густым подростом, и почувствовал, как далеко впереди земля действительно стоит и корчится, пытаясь вырваться из шупалец невидимого спрута. И на пути к этой арене великой и долгой драмы никаких городов не было. Были деревушки, а потом стойбища каких-то аборигенов, но их Свет старался обходить. Понимал, что и так оставил слишком много следов. В какой-то момент он почувствовал, что к нему протянулась и приклеилась так, что даже мечом не разрубишь, невидимая нить. Начало ее было далеко, очень далеко, но охотник понял, что

теперь от нее вряд ли получится оторваться. На след охотника встал другой охотник. И за спиной этого, второго, не было меча. Зато была вся мощь государства.

– Ладно, – махнул рукой Свет, – лови. Дай только дело сделать, за которое Илья Иванович спросит. А там и встретимся.

В голосе охотника совсем не было угрозы, и он почувствовал, как эта нить стала теплой и мягкой. Во всяком случае, она совсем не помешала сытому охотнику крепко уснуть рядом с едва тлеющим костром...

Даже малейшее шевеление зверя в пределах прыжка самого крупного из тех, что водились в этой тайге, мгновенно разбудили бы охотника. Но этот древний абориген стоял за потухшим костром долго. Стоял неподвижно, и даже прикрыл глаза, чтобы – как понял Свет – не разбудить взглядом спящего человека. А еще он был на удивление прям и крепок для своего почтенного возраста. Старик не открыл сразу глаза, хотя явно догадался, что Свет проснулся. Может он дал возможность получше рассмотреть гостя, а точнее хозяина этих мест? Свет не разбирался в этнографических проблемах этих обширных пространств, где вполне могла затеряться вся Европа. Главным для него было то, что невысокий кряжистый абориген весьма неплохо говорил на русском языке.

Охотник поднялся медленно, несуетливо и машинально махнул ладонью в сторону костра, где еще было чему гореть. Черные головни вспыхнули разом, наполняя холодный воздух приятным теплом. А эвенк (это Свет узнал совсем скоро), судя по довольному кивку, даже не удивился.

– Здравствуй, посланец, – старик ловко отцепил от ног широкие лыжи, на которых стоял все это время, и присел на лапник.

– Здравствуй, отец, – склонил голову охотник, – меня зовут Свет, и меня никто сюда не посылал.

Он немного смешался; вспомнил древнего богатыря, который действительно послал его – сюда ли? Руки его тем временем ловко накрывали импровизированный стол. Старик тоже полез в свою котомку.

– Однако ты пришел. Чегарен меня зовут, – тут же представился он, – Чегарен Шанягирь, как и моего отца.

Он глянул на охотника, словно ожидал какой-то реакции, но тот только пожал плечами. Кусок оленины над огнем приятно зашкворчал и, поворачивая деревянный вертел, Свет еще раз проверил свою память – нет, это имя ему ничего не говорило.

– Отец мой когда-то был известен в этих краях, – с ноткой гордости сообщил старик, – он был одним из двух, кто своими глазами видел, как падали деревья в тайге, и огонь пожирал все вокруг. Был еще третий, но его ученые люди ни о чем не спрашивали, потому что он был лишком мал.

– И этот ребенок был...

– Да, – склонил голову старик, принимая из рук охотника шампур, – это был я, и мне тогда было шесть лет.

Он замолчал, впившись на удивление белыми зубами в кусок мяса. Даже глаза закатил в показном восхищении, показывая, насколько оценил кулинарные таланты охотника. Свет тоже не торопясь жевал сочное мясо, гадая пока – так принято у местных жителей, или только этот старик такой учтивый. О том, что Чегарену есть что сообщить охотнику, последний не сомневался. Однако до тех пор, пока в кружках не кончился крепкий, словно настоящий на коре остролиста, чай – им уже угощал эвенк – неторопливая беседа велась о делах, конечно важных, но к тому объекту, куда стремился Свет, никакого отношения не имевших. Об охоте, о погоде, о многочисленной родне старика, и о... О своей родне Свет говорит не стал. Он как раз плеснул в свою кружку из котелка, чтобы сполоснуть ее кипятком, когда эвенк очень шустро, несмотря на свои восемьдесят лет, метнулся за густую ель, где, оказывается,

стояли длинные нарты с упакованным грузом. Он кивнул на длинный тюк охотнику, словно не желал сам прикасаться к нему. Свет отвязал узел кожаного ремня, предусмотрительно завязанный на бантик. Предмет, завернутый в выделанную кожу неизвестного Свету животного, больше всего напоминал высушенную ногу кузнечика. Если бы он – этот кузнечик – был ростом со взрослого человека. Свет в детстве насмотрелся на прыгающих насекомых достаточно, чтобы заметить, что эта нога сильно отличалась от природной... Была словно трансформированной – приспособленной больше к ходьбе, а не к прыжкам. Да и острого ряда щеточек, которыми, собственно, насекомые стрекочут, на ней не было. Почти незаметный ряд бугорков вряд ли могли когда-то издавать звуки. И еще – главное! – он был уверен, что сухая конечность принадлежала разумному существу. И связь ее с бывшим хозяином, несмотря на десятилетия и километры, что их разделяли, еще не разорвана. Тоненькая, невидимая ни глазу, ни самому чуткому человеческому прибору ниточка тянулась именно туда, куда уже два месяца пробирался Свет.

– Да, – кивнул старый эвенк, – я нашел ее там, на берегу болота, которое огонь не смог высушить. И больше ничего. Я там был много раз – однако, каждый год хожу. Может, меня эта нога к своему хозяину тащит? Но я ее с собой ни разу не брал. Как спрятал ее в тайге, так только сейчас и достал.

– Может именно благодаря этим визитам ты, дед, выглядишь так молодо, – подумал Свет, – вслух же он спросил, – почему же ты не отдал ее раньше – тем же ученым?

– Отец не велел, – ответил Чегарен, – а три ночи назад он приснился мне, и велел встретить тебя. Ты пришел раньше... Однако быстро ходишь. С этим пойдешь быстрее, – он кивнул на нарты, к которым был приторочен еще один тюк; две широкие и длинные – на полметра длиннее, чем у него самого, лыжи.

– Восемьдесят лет ждал, – усмехнулся Свет, – теперь можно и не спешить.

– Нет! – возразил эвенк, с шумом втянув в свой приплюснутый нос воздух, – беду чую. Никогда сюда огонь не доходил. Нынче дойдет.

Свет повернулся в ту сторону, куда махнул рукой старик и замер. Действительно – где-то очень далеко уже зародился лесной пожар, который там некому было затушить. Гектары тайги, которые могут сгореть безвозвратно, кажется, никого не волновали. Здесь, где ни дорог, ни железнодорожной магистрали не было, лес умирал естественной смертью от разных причин – возраста, болезней, или огня, а потом вырастал сам. И так было испокон веков. Но тот пожар, который должен был пригнать сюда ураганный ветер, в этих местах еще не видели.

– Наши уже ушли отсюда, – кивнул эвенк, – тебе тоже надо спешить.

Он ткнул пальцем в сухую конечность, которую Свет до сих пор держал в руке.

– Что с этим делать будешь, парень? Может, сожжем?

Было видно, что он тяготился ролью хранителя зловещего артефакта, и если бы не воля отца, давно бы сам предал его огню.

– Сожжем, – согласился Свет, – но не сейчас. С его помощью я найду его хозяина. Найду и спрошу, что ему надо в твоём мире.

– Найди, – кивнул старик, – а я ухожу, за своими.

– Я тоже тут не задержусь, – усмехнулся Свет, ловко упаковывая сухую конечность, – думаю, что уже сегодня найду ее хозяина.

Старый эвенк неодобрительно покачал головой, глядя, как охотник увязывает этот сверток рядом с лыжами. Но снега в тайге было всего по щиколотку, и Свет, совсем не собиравшийся отказываться от подарка, решил – пусть пока он поносит лыжи; на поводу.

Чегарен все-таки дождался, пока Свет не соберется, и проводил его долгим неотрывным взглядом. Теперь его взгляд выражал одобрение и, пожалуй, даже, восхищение. Потому что никто из его молодых соплеменников не смог бы так быстро скрыться за поворотом звериной тропы. Даже на лыжах. Что совсем уже удивительно – старый эвенк, десятки лет гордившийся

умением бесшумно скрадывать зверя, теперь увидел, как это гораздо лучше делает чужак. Даже нарты у него не скрипнули по мягкому снегу, словно он – Свет – знал какое-то слово.

– А может, и знает, однако, – эвенк покачал головой, и быстро, хоть и не так, как чужак, заскользил меж деревьев подальше от опасности.

Болото Свет отыскал быстро. Оно сейчас подмерзло, стало проходимым вдоль и поперек. Взгляду тоже не было здесь за что зацепиться. За спиной охотника остались бесчисленные трухлявые стволы, поваленные десятки лет назад неизвестной пока силой. Они лежали ровными рядами, и охотнику не составляло труда скользить вдоль них бесшумной тенью. Невысокий лесок, едва пробившийся здесь из раненой земли, мешал передвижению еще меньше. До центра катастрофы – до того места, откуда сила брызнула во все стороны, валя вековые гиганты, словно спички – Свет не дошел. Он уже видел черные мертвые стволы впереди – их не смогли повалить ни ветра, ни годы. Не дошел, потому что, только ступив в это замерзшее болото, ощутил – он словно опять оказался в рубке космического корабля. Вокруг опять бушевал океан информации. Здесь тот толстый жгут, от которого Свет сумел когда-то оторваться, и зародился. Но источника его охотник не видел. И не чувствовал, как ни пытался заставить работать силы, послушные раньше ему.

И тогда Свет одним нетерпеливым движением содрал шкуру с сушеной ноги. Рядом раздался вопль, полный муки. А охотник завел хитиновую конечность над собой в могучем замахе, собираясь обрушить ее на нарты – ничего другого, кроме присыпанной снежком жижи, в которую он проваливался совсем неглубоко, смочив только подошвы сапог, не было. Вопль повторился, и перед охотником открылся черный провал, за которым был зал, напомнивший ему рубку «Белки».

– Нет, – понял он, шагнув в темноту и ощутив спиной, как затянулась дымкой невидимая дверь, – в «Белке» было посложнее.

В невысокой пещере здесь не было множества приборов, которые заставляли бегать глаза по панели в рубке космолета. Здесь был всего один прибор, но живой! Тот самый гигантский кузнечик, ногу которого он по-прежнему держал в левой руке. А в правой руке – непонятно как – уже тянулся острием в гигантское насекомое меч Владимежа. Инопланетянина – этот уж точно не был рожден на Земле – опутывали жгуты непонятной природы. Самый толстый тянулся из его затылка прямо вверх. Этот жгут был еще и темнее других, насыщенной; он мелко вибрировал, словно с трудом вмещал в себя что-то.

– Информацию, – понял Свет, – ту самую, что мелкими ручейками впитывает в себя этот организм, который, быть может, уже нельзя назвать живым.

– Да, – открыл гигантские глаза кузнечик, – во мне она трансформируется, спрессовывается так, что внутрь этого луча невозможно просунуть даже один лишний электрон, и летит, используя энергию сталенита...

Кузнечик, так и не раскрывший рта (жвал!), но успевший обрушить на Света вал информации, замолчал.

– Ага, – подумал с усмешкой Свет, понимая, что его мысли легко читает сидящее напротив него существо, – чуть не проговорился. И куда же мы шлем столько информации? Кому она нужна?

Меч охотника угрожающе шевельнулся, словно Свет намеревался перерезать центральный столб, и кузнечик, дернувшийся вслед этому движению, мысленно завопил:

– Нет! Не делай этого! Ты же не хочешь, чтобы здесь повторилось то, что произошло семьдесят четыре круга назад?!

– И что же тогда произошло? – с угрозой в голосе спросил охотник, подводя лезвие еще ближе к серому пульсирующему жгуту.

– Это был мой корабль, – нехотя признался иномирец.

– Катастрофа?

Одноногий кузнечик на сидении, мало напоминающее трон, выпрямился, выражая всем телом возмущение:

– Нет! Так было задумано. Выбрал безлюдное место, и высвободил энергию, которая послала меня на краткий миг вперед – теперь я опережаю все вокруг на доли самого малого круга.

– Ага, – как-то сразу сообразил охотник, – и поэтому тебя уже семьдесят четыре года никто не может найти. Ходят прямо по тому месту, где ты только что был, и не видят ничего – ни люди, ни их приборы.

– Так, – с трудом склонил голову кузнечик; его глаза не отрывались от ноги, которую он потерял – скорее всего при том самом взрыве.

– Сорок мегатонн, – вспомнил Свет цифру из компа Мыльниковца, – однако крепкий же у тебя организм, незнакомец.

– Меня зовут Информатор, – тут же представился иномирца.

– Просто Информатор?

– Когда-то был номер, – нехотя признался в голове Света новый знакомый, – пятизначный. Но после того, как мне поручили эту великую миссию, я стал просто Информатором. Других на Земле нет.

– Понятно, – кивнул Свет, чуть-чуть отводя лезвие от информационного жгута, – и как же ты вернешься домой?

– Никак, – все с той же гордостью, без всякого намека на печаль, сообщил кузнечик, – и никогда. Я буду тут вечно...

– Это мы еще посмотрим, – пробормотал охотник, и задел волшебной сталью один из жгутиков – самый тонкий.

Одноногое тело в кресле, опутанное жгутами, словно муха паутиной, заметно вздрогнуло. А Свет непонятно как, но ощутил, что в прошлом – всего доли секунды назад – Земля испустило облегченный вдох, словно лишаясь одной из тех пиявок, которые бесконечно долго сосали ее кровь. Меч продолжил свою работу. Кузнечик уже не вздрагивал; он сжался в своем кресле, закрыв глаза. А жгут, который тянулся от его головы в немыслимую даль, налился тревожным красным цветом.

Охотник представил себе, что это действительно пиявки, извиваясь в предсмертных конвульсиях, отдают последние капли крови далеким хозяевам. Он занес меч в замахе, собираясь обрушить его на толстый жгут, ставший уже кроваво-красным, но в последний момент удержал руку, потому что наткнулся на взгляд иномирца. На торжествующий взгляд существа, готового в свое последнее в жизни путешествие захватить врага. Он понял, что не остановись он сейчас, и окружающее это болото пространство ждет катаклизм – может не менее ужасный, чем тот, что повалил когда-то деревья на десятки верст вокруг.

И тогда в грудь Информатора полетела его собственная нога, высушенная за десятилетия до каменного состояния. Кузнечик судорожно прижал конечность к острой сегментной груди, которую теперь не закрывала сеть тонких информационных потоков, и уже не видел, как подскочивший со стороны спинки Свет могучим рывком послал его вместе с несуразным сидением вверх, навстречу недостижимой родине. Сам же охотник встал на это место, широко расставив руки, словно хотел обнять землю, которая отчаянно вскрикнула. Жизнь на десятки километров вокруг замерла в ужасе, еще не понимая, что сейчас та самая сила, что в далеком одна тысяча девятьсот восьмом году обрушила на окрестности десятки мегатонн энергии, сейчас начнет вбирать такую же прорву жизненной силы обратно. Уже через доли секунды – те самые доли, что отделяли охотника от его настоящего – температура вокруг него должна была мгновенно скакнуть до абсолютного нуля. И эта волна холода, не менее смертельная, чем бушующее пламя – быстрее звука, быстрее треска, с которым будут переламываться от жуткого мороза

толстые древесные стволы – помчится навстречу подступающему уже пожару. Помчится, убивая все живое на своем пути.

Реактор, обратный ядерному, не начал свою работу. Потому что в него щедро полилась, гася морозную энергию, сила, которой когда-то поделились со Светом звезды. А он еще и послал этой же энергией мысленный пинок беззвучно вопящему кузнечнику. То место, которое в душе Света занимала звездная энергия, еще быстрее стала заполнять информация, которую жгут, увеличившийся в диаметре в разы, безвозвратно выкачивал из каких-то хранилищ. И то была информация, собранная не только одноногим информатором. Нет – сейчас где-то опустошались ячейки памяти, собираемые цивилизацией насекомых многие тысячи лет.

Свет даже не пытался осмыслить ее, реагируя только на знакомые имена или события. Вот промелькнуло, попытавшись затеряться где-то в голове охотника, первое из них...

Глава 40. Пожар в тайге

Для Насти Соколовой это был первый сезон в экспедиции. Сейчас она должна была сидеть где-нибудь на лекции, и строчить в тетрадке бесполезную, в общем-то, информацию. Бесполезную – потому что она уже знала, что главное, чем она будет заниматься, лежало тут, аккуратно упакованное в брезентовые мешки. Это были осколки Тунгусского метеорита. Нет – осколками те удивительные железки, которые экспедиция нашла на дне неглубокого болота, назвать было нельзя. Обломками космического корабля пришельцев, которым, скорее всего, скоро признают метеорит в ученом мире – да. Вот этими обломками, в которых пока не было ничего понятного, Настя и собиралась заниматься всю оставшуюся жизнь. Молодости вообще свойственны горячие и безапелляционные порывы; Соколовой же едва исполнилось двадцать лет.

Впрочем, сама себя Настя считала умудренной жизненным опытом женщиной. И влюблялась уже не раз, и расходилась с парнями – порой трудно, с болью в сердце. Сейчас сердце Анастасии было свободно.

А опыт – в том числе и совсем небольшой научный – подсказывал, что в брезентовых мешках лежит Нобелевская премия; быть может, даже не одна. Первая, как подсказывал все тот же опыт, достанется руководителю экспедиции, профессору Ображенскому, Николаю Петровичу. Сама Соколова надеялась на одну из следующих. Но это было в далеком будущем, а пока профессор тревожно посмотрел в небо, по которому сильный, почти штормовой ветер нес клубы дыма. Неба над ними уже не было видно. И дым этот словно вытеснил собой не только свежий воздух, но и иные виды эфира. По крайней мере, радиоэфир – точно. Потому что Коля Мержицкий – третий член экспедиции, основной ее работник, и по совместительству радист, безуспешно пытался сейчас собрать в одно целое радиостанцию, в которой вчера что-то сломалось.

Четвертый, и последний человек в их маленьком коллективе – супруга профессора Нина Михайловна – стояла сейчас рядом с мужем и научным руководителем в течение многих лет, и так же хмурила брови, запрокинув голову к затянутому черным дымом небу. Она, кроме всего прочего, кормила всех четверых, и совсем недавно вышла из небольшого домика, срубленного кем-то в незапамятные времена из толстых лиственничных бревен. Рядом еще стояла банька, размерами не уступавшая избе. Анастасия едва сдержала улыбку, вспомнив, как в первый же день, точнее вечер, когда экспедиция совершенно случайно набрела на заимку, Николай сунулся в баню, где домывалась Настя. Сунулся, чтобы, как сам потом сказал: «Ничего такого, просто спинку потерять».

У этого рукастого мужичка было четверо детей; делать ему пятого, даже совершенно случайно, Соколова не собиралась. Потому и плеснула в него шайкой кипятка, которую как раз набрала из гигантской бочки, как-то вмонтированную в еще большую печь.

Впрочем, улыбка тут же стерлась в ее лица, потому что Николай со вздохом отложил неисправную радиостанцию, а Ображенский вскинул руку вперед – там творилось что-то непонятное. Ветер по-прежнему гнал дым в сторону, где стояли мертвые деревья, свидетели гибели космического корабля. А навстречу ему вдруг взметнулось выше крон деревьев жаркое пламя.

– Отрезаны, – обреченно вздохнул профессор, невольно вздрогнув, потому что супруга еще сильнее вцепилась в его руку, – теперь нас даже вертолет отсюда не вытащит.

Он посмотрел назад. Там обзору мешала изба, которая не давала сейчас видеть, что огонь полностью окружил маленькую поляну, на которой теснились три маленьких бревенчатых строения – изба, баня и сарайчик. На чердаке последнего хранились старые запасы сена. Сено это было на удивление свежим, словно скошенным этим летом, и Анастасия едва удержалась от новой улыбки. Вспомнила, как Николай, залечив немного ожоги, кивнул ей однажды

на сеновал. Потом он долго лечил шишку на голове – в руках Анастасии как раз был один из объектов их исследований. Нина Михайловна потом пошутила, что Мержицкий стал первой жертвой инопланетного «оружия».

Настя тут же забыла и о Николае, и даже о будущей Нобелевской премии. Стена огня, уже опасно подобравшаяся к домику, вдруг разлетелась искрами, открывая в своей яростной стихии темный провал, откуда дохнуло свежестью. Вслед за ней к дому шагнул широкоплечий незнакомец, за плечом которого на манер переносного ракетного комплекса торчал самый обыкновенный тубус черного цвета. Девушка вдруг поняла, что беда, окружившая их огненным кольцом, уже начала отступать. А потом она заглянула в пронзительные голубые глаза незнакомца, оказавшегося совсем рядом, и поняла – беда, которая поселилась в них недавно, никогда не уйдет. Лицо парня неожиданно осветилось недоумением, затем радостным узнаванием и она вдруг ощутила чувством, подвластным лишь женщинам, как он потянулся к ней всей душой. Настя поняла, что Нобелевская премия – не самое большое счастье в жизни...

Дверь в залу, где обычно восседал на своем троне Первый из Мудрейших, распахнулась настезь. Главный Наблюдатель не вошел внутрь огромной комнаты, хотя хозяин парадного покоя призывно шевельнул плечом. И Мудрейший понял – произошло что-то необычное настолько, что Наблюдатель не решается сказать об этом. Еще поза кузнечика у двери призывала: «Тебе нужно посмотреть на это самому, Мудрейший!». И самое старое в обитаемых мирах, о которых знали инсекты, существо легко поднялось на ноги. Возраст Мудрейшего не имел для его физического состояния никакого значения, как и для его немногочисленных соплеменников. То, что большую часть своего времени он проводил в кресле, которое было изготовлено с учетом самого мельчайшего изгиба его тела, совершенно не мешало ему двигаться стремительно и плавно. Совсем не так, как его далекие предки.

Главный Наблюдатель повел его в Большой зал информации. Это было самым просторным помещением Гнезда. Здесь правильными рядами сидели прямо на полу из искусственного материала бесчисленные Хранители – те, кто подвижному образу жизни предпочли неподвижное бессмертие. Каждый из сидящих здесь хранил несметное количество информации, и продолжал впитывать в себя все новое, что несла каждому из них его квазиживая пара в одном из далеких миров. Здесь было главное богатство мира инсектов – история всех цивилизаций, живых и давно уже мертвых, до которых смог дотянуться Древнейший из миров. Было – до сегодняшнего круга. А теперь Первый из Мудрейших с ужасом понял – сотни его соплеменников, добровольно отринувшие мир неторопливой жизни, окончательно мертвы. И головы их, точнее содержимое, когда-то осторожно трансформированное, теперь не содержит ничего, кроме мертвой плоти, уже начавшей разлагаться.

Гигантский инсект у двери чуть изменил выражение лица, непроизвольно показав, что сверхтонкое чутье уже уловило этот сладковатый запах послесмертия. Практически у самых его ног кто-то завозился; один из Хранителей был жив. Нет – не Хранитель! Информатор! Инсект, которого ни один из живущих здесь, на древней планете не видел, и увидеть не мог. Потому что это тоже были добровольные изгои, ради величия родного мира покидавшие его навсегда. Несчастный собрат (Мудрейшего всего передернуло, когда он назвал так про себя Информатора, одного из бесчисленных низших) осмелился поднять голову с широко раскрытыми глазами, и протянуть ему что-то невообразимое. Собственную ногу, сухую, и от того еще больше омерзительную. Мудрейший почувствовал, как за его спиной весь содрогнулся от того же чувства, что сейчас испытывал он сам, Главный Наблюдатель. Он резко развернулся так, что огромные глаза практически уперлись в пару других, тоже заполненных ужасом. Две пары жвал, в древности приспособленных для жевания, а теперь не потреблявших ничего кроме питательного нектара, одновременно выдохнули в мертвое пространство Хранилища: «Свет!»...

Свет понял – да, это был он, древний мыслитель и чародей Тагор, который придумал формулу бессмертия. Больше десяти тысяч лет назад до того момента, когда охотник потянулся к небу, чтобы принять на себя удар, нацеленный в тайгу, пятилетний Тагор стоял на высоком утесе, крепко держа за руку отца. Внизу бесновался океан, который никак не мог добраться до жалкой кучки представителей великой цивилизации Земли. Всего десяток человек – все, что осталось от островного государства, которое когда-то в будущем назовут Антлантидой. Но среди этих десяти застывших в горе людей был великий ученый, его отец. Он придумал, создал, но не успел испробовать в полете корабль, который мог скользить меж звездами так же легко и быстро, как обычный парусник по волнам спокойного океана. Не того, что сейчас бушевал внизу, а мирного, кормящего их маленький народ долгие тысячелетия. Корабль был тут же, за их спинами. Он темнел внушительной громадой и призывно открывал люк, готовый вместить гораздо больше членов экипажа и пассажиров. Но сейчас атлантов не хватало даже на полноценный экипаж.

– Папа, – дернул за руку Тагор, – куда мы полетим?

– Далеко, сынок, – горько улыбнулся ему отец, потерявший сегодня и жену, и всех остальных родственников.

Он подхватил на руки последнего из них, Тагора, и показал рукой куда-то вдаль, за океанские просторы.

– Там живут люди, много людей, – с жаром воскликнул он, – мы позовем их за собой, и найдем мир, который станет для нас новой родиной. Мир, в котором не будет ни войн, ни рабства, ни боли. Мы понесем туда то, что смогли сохранить от нашей цивилизации.

За десять тысяч лет от него Свет так же горько, как прежде атлант, усмехнулся – где они, остатки человеколюбия и учености? Он уже понял, что видит перед собой тех, кто принес семена жизни на его родную планету.

– Я вернусь сюда, – с не меньшим, чем взрослый атлант, жаром вскричал малыш, – вернусь, даже если для этого мне понадобится тысяча лет!

– Люди так долго не живут, сынок.

– А я проживу! Проживу сколько надо – вот увидишь, папа...

Свет не услышал, что ответил мудрый атлант сыну. Он всей душой воспринял следующую картину, что стремительно выросла перед ним. Любимую женщину он сразу узнал – даже в чужом одеянии, и со спины. Вот Весна повернулась, окидывая огромный торжественный зал глазами, и вслед за ней смотрел охотник. Он едва не вскричал, когда увидел жмущегося к каменной стене в углу зала Волка, совершенно седого и какого-то потерянного. А рядом с ним мрачным волчонком ощерился на окружающий мир десятилетний паренек, в котором охотник различил и черты Весны, и свои голубые глаза, и такой же вот несгибаемый взгляд, с которым когда-то давно сам Свет принес в деревню весть о гибели отца.

– Сын, – понял охотник, чувствуя, как в груди разливается тепло, в котором отцовская гордость перемешалась с горечью, – сын, который вырос без отца; рядом с которым все это время был...

Он опять метнулся взглядом к Весне, как раз в это время полностью повернувшейся к нему. Стоявший рядом с ней высокий мужчина с аккуратной светлой бородкой тоже повернулся, и Свет с ужасом понял – он случайно напал на запись свадебной церемонии. Да – его Весна стояла рука об руку с наряженным в праздничные одежды дворянином. Наряд самой девушки был заметно скромней. Пожалуй, самым богатым на ней было ожерелье Повелительницы парсов, бросившее навстречу охотнику мириады огней. Вслед за ними устремился взгляд Весны, и прекрасная невеста вдруг смертельно побледнела и с невнятным криком, который поняли Свет и еще, быть может, Волк с мальчиком, мягко повалилась без сознания на руки своего нового избранника.

В это мгновение длинные доли секунды, отделявшие охотника от реального времени, наконец истекли, и никто не увидел, как посреди уже высохшего от немилосердного жара болота вдруг возникла ледяная фигура человека, воздевшая руки к безжалостному небу. Легкое движение Света заставило лед с негромким треском осыпаться к ногам. Жадное пламя тут же отступило от охотника на безопасное расстояние, успев, впрочем, высушить две дорожки от слез из его глаз. А охотник, в котором еще клокотали силы, поднятые им на защиту окрестностей, вдруг услышал, как совсем недалеко – быть может, в паре километров от болотца – уже готовы попрощаться с жизнью несколько человек.

– Если быть точнее, – поправил себя охотник, – четверо.

И эта фраза, а за ней мысль, что нужно спешить на помощь людям, кем бы они ни были, спасла Света. Ведь еще несколько мгновений назад несколько слов, брошенные в затянутое дымом небо могли вернуть энергию звездам, а безжизненное тело Света подарить огню, который вдруг со всех сторон надвинулся на него с радостным гулом. Свет сделал первый шаг в ту сторону, где уже не ждали никакой помощи люди, и в сплошной стене огня образовался провал, куда за собой звала свежесть зимнего вечера. Охотник воспользовался предоставленной возможностью, отсекая навсегда мысли, что пришли в голову. Тем более, что почти сразу нашлась работа и рукам. Пробегая мимо невысокой пихты, которая вся исходила горячим ароматом бальзама, творящего в знающих руках чудеса исцеления, он увидел сбившихся тесной стайкой птиц, довольно крупных и, несомненно, очень вкусных. Спасать дичь было не в привычке охотника, а вот пресечь страдания птиц, которым грозило через считанные минуты стогреть заживо, поскольку эта пихта была единственной, что не пылала еще жарким костром, он мог легко. Свету даже не понадобились лук со стрелами. Стремительный длинный удар меча закончился там же, откуда начался – в ножнах, по-прежнему спрятанных в тубусе. А птицы, уже безголовые, одна за другой упали с ветки в руки охотника.

Перед поляной, где сквозь дым были видны какие-то небольшие строения и фигуры людей у одного из них, Свет на мгновение остановился. Он оглядел пространство впереди и еще раз убедился, что его помощь требуется, и немедленно – от крыши крайнего сарая уже потянулся к темному небу слабый дымок. Туда тут же полетела невидимая морозная стрела, осколок той жуткой стужи, которая царила на недалеком болотце всего несколько минут назад. А потом охотник шагнул к дому, или, как тут называют вот такой комплекс, заимку. Он уже определил, что тот сарайчик, в котором умер едва зародившийся пожар, был баней, и тут же в душе немилосердно зачесалось. Она истосковалась по горячей воде и пару, так полюбившемуся охотнику, еще больше, чем тело.

Следом за охотником двигалась незримая стена животворной прохлады, которая тут же заполнила всю заимку. А огонь наверное сразу понял, что на эту территорию его права не распространяются. Он завыл за пределами, установленными Светом; в том месте, где под пихтой лежали три птичьи головы, расцвел громадный огненный цветок – последнее на километры вокруг живое дерево вспыхнуло все сразу.

Свет оценил гордую посадку седой головы пожилого мужчины, встретившего его во главе небольшой группы. Этот человек был, несомненно, главным на заимке.

– Вот именно, что был, – усмехнулся охотник; завершение фразы подразумевалось само собой, – пока я не пришел.

Впрочем, на лидерство Свет не претендовал. Он вообще не собирался здесь задерживаться. Просто понял, что эта встреча, как и многие другие, не случайность. Он перевел взгляд на женщину примерно тех же лет, что и тот самый пожилой мужчина, в руку которого она вцепилась. Вцепилась судорожно, но по-хозяйски, и Свет догадался: «Жена». Еще он с одобрением отметил, как с такой же хозяйственной радостью она опустила глаза вниз, на тушки птиц, и с готовностью протянул ей добычу. Пернатая дичь тут же перешла в другие руки, а Свет, мазнув взглядом по ничем не примечательному лицу еще одного мужичка, теперь уже средних

лет, перевел его на девушку, что стояла выше всех на крыльце дома. И замер. Потому что там его ждала Весна! Нет, он конечно уже в следующее мгновение понял, что это совсем другая девушка. Но как много было общего у нее с той, кто, скорее всего, уже не ждет его. Главное – она смотрела на охотника точно такими же глазами, что и Весна, когда он впервые увидел ее. Как много всего произошло с тех пор, но Свет опять почувствовал себя неопытным пареньком, которого мудрый барон Гарден впервые вывел в свет. Почувствовав, что, несмотря на легкое дуновение ветерка, его уши начинают пылать огнем, который разгорался в сердце, охотник склонил голову, и представился – точно так же, как когда-то перед Сашкой Суворовым:

– Мир вам, люди, меня зовут Свет...

Сарайчик действительно оказался баней. Свет яростно тер тело мочалкой, словно сди-рал с него ту липкую паутину, которую он с яростью рубил в убежище одноногого кузнечика. А до того был жаркий пар в парилке, откуда быстро сбежал тот самый мужичок, Колька Мер-жицкий. Свет готов был возненавидеть этого, в общем-то, славного тридцатилетнего парня, отца сразу четырех дочерей. Возненавидеть, когда тот с хохотком рассказывал, как пытался подкатить к Насте Соколовой – девушке, в которой Свет находил все больше и больше черт Весны – в этой самой бане. Но потом Колька показал уже подживший след от ожога, и склонил перед охотником голову, что бы тот нащупал след огромной шишки. Свет, конечно, не стал щупать никакую голову; любые повреждения в организме человека он мог видеть другим видением, гораздо более информативным. Но душа его запела. Настя... Имя каталось во рту безумно вкусным освежающим леденцом, и таяло, заполняя все внутри парня сладкой истомой.

Колька убежал, явно учуяв вкусные запахи из дома. А Свет с удовольствием попарился еще пару раз, потом тщательно вымылся, и с посвежевшими, скрипящими от чистоты телом и душой тоже отправился ужинать. Огонь уже отступил от заимки, и он вдруг опять почув-ствовал ту самую нить, что связывала его с неведомым соперником. Теперь эта нить словно съезжилась, натянулась, опаленная отступившим огнем. Охотник понял, что преследователь, который взял след совсем недавно, уже недалеко.

Шурпа из таежной дичи была выше всяких похвал. А в большом чугунном горшке еще томилась целая птица, нарезанная крупными кусками. За столом текла медленная беседа. Лес-ной пожар, вокруг которого поначалу и велись разговоры, скоро был забыт, или, по крайней мере, предан временному забвению. А спор разгорелся вокруг той цели, что свела здесь вме-сте четверку исследователей. Свет с невозмутимым выражением лица и грустным хохотком в душе слушал, как делят эти люди будущие ученые звания и международные премии. В этом дележе не участвовала лишь Настя. Она почти не ела; видно было, что ее терзает какое-то предчувствие.

– Ну а вы, молодой человек, – повернулся к свет профессор Ображенский, – какими судьбами оказались здесь, в самом таинственном месте земного шара?

Охотник еще раз внутренне улыбнулся – место уже не было таинственным. Оно было просто огромным выгоревшим пятном на теле Земли. Пятном, которое теперь точно зарастет. Еще раньше он нырнул в собственную память, и не обнаружил там в длинном списке Нобелев-ских лауреатов никакого Ображенского – ни профессора, ни академика. Он даже знал причину этому – сейчас в опечатанных брезентовых непромокаемых мешках не было никаких частей корабля инопланетян. Они истаяли вместе со всем, что привнес на Землю чужой разум в дале-ком одна тысяча девятьсот восьмом году. А в мешках была равная по весу смесь лесной под-стилки и дерново-подзолистой почвы (это все та же память подсказала!). А профессору Свет сказал чистую правду:

– Я, Николай Петрович, занимался здесь тем же, что и вы – пытался разгадать тайну Тунгусского метеорита.

– Ну и как, – со скептической улыбкой спросил профессор, – разгадали?

Два его сотоварища – Колька и непревзойденная повариха Нина Михайловна – улыбались не так скептически, но все-таки с большой долей снисхождения. И действительно – десятки научных, великолепно оснащенных экспедиций не смогли разгадать этой тайны, а молодой незнакомец, представившийся таким необычным именем...

А Свет опять сказал чистую правду:

– Разгадал.

И столько убежденности было в этом коротком слове, что все глянули на него, согнав с губ улыбки. Впрочем, Анастасия и раньше смотрела не него как-то иначе, чем остальные. И Свету это нравилось. Теперь же он продолжил свой ответ, глядя только на нее:

– Дело в том, что никакой тайны Тунгусского метеорита нет, как и самого метеорита.

И только Соколова прочла в его взгляде последнее, недосказанное слово: «Уже!».

Профессор наверное собирался продолжить вечернюю беседу, даже открыл рот, но Свет уже встал из за стола. Он чуть поклонился в сторону Нины Михайловны:

– Спасибо хозяйке за вкусный ужин. Если позволите, я пойду спать. Устал, знаете ли. Разгадывать тайны падающих метеоритов оказывается не так просто. Я уж не буду вас стеснять. Тут, оказывается, есть прекрасный сеновал, – его взгляд, как и глаза враз посуровевшей Анастасии нашли Мержицкого, испуганно втянувшего голову в плечи.

Порозовевшая от горячего чая, приятной беседы, а особенно от последней похвалы Образенская тут же умчалась за постельными принадлежностями. Совсем скоро охотник лежал на чистой простыне, совсем не укрываясь, хотя на улице был ноябрь. Пожар уже не гнал удушливые клубы дыма над тайгой; теперь сама земля отдавала жар тем немногим живым существам, что уцелели на обширном черном пространстве. Пожелай сейчас Свет взлететь подобно птице, он увидел бы сверху единственное яркое пятно посреди гари – эту заимку. А чувство, рожденное когда-то давно, при первой встрече с тетушкой Зохрой, подсказало ему – эту картину он увидит наяву – не позднее завтрашнего дня.

Тихие шаги и негромкий скрип лестницы он ждал уже давно. Ждал с нетерпением и некоторой боязнью – вдруг Настя не решится. Сам он еще раньше просил прощения за будущие свои (может не только за сегодняшнее!) прегрешения у Весны. И теперь знал, что свободен в своих действиях, и отвечает за них только перед... той, что наконец остановилась рядом. Зашуршала какая-то одежда и девушка, оказавшаяся вдруг совершенно обнаженной, словно выточенной из лунного света, пробивавшегося в маленькое слуховое окно, оказалась в жарких объятиях охотника. Это был уже не тот пылкий юноша, что когда-то жадно впитывал опыт любовных игр с Предводительницей парсов. Нет, Халида – будь она жива – сейчас была бы по-настоящему поражена. Потому что Свет мало того, что помнил абсолютно все из ее уроков; в нем теперь еще жили знания многих поколений многих миров. В том числе и такие, перед которыми бледнели самые откровенные тайны Камасутры.

Настя, конечно же, не знала, что существует такая волшебная страна любви и страсти Ургиляй, но побывала там этой ночью множество раз. А Свет никак не мог насытиться ею; он дарил ей блаженство и сам купался в нем, познавая каждую клеточку тела девушки. Они так и заснули в объятиях, не прикрытые ничем. И даже луна скрылась за тучками – сегодня все вокруг было целомудренней этой пары.

Утро Соколова встретила все-таки в своей постели. Ее туда отнес охотник, скользнувший в комнату скрытной мыши. Но проснулась она с той же улыбкой, с которой провалилась в сон в объятиях любимого человека. Впрочем, в этой улыбке кроме безграничного блаженства была и нотка легкого удивления: «Почему Свет называл ее Весной, когда вокруг опять подступила зима и даже – она увидела в окно – повалил легкий снежок?».

Разбудил ее чей-то восхищенный возглас снаружи. Она накинула на себя ночной халатик и, обернув его вокруг талии, подскочила к окну. А там творилось чудо. Свет кружился на поляне перед домом с мечом в руках. Девушка видела как-то, как сражаются ролевики –

смешно и неуклюже. Ее Свет был не таким. Длинный прямой клинок был словно продолжением руки... Нет – всего тела, потому что ни одного лишнего движения сейчас не было в той вязи хитрых бойцовских приемов, которые демонстрировал мастер меча боя. Он был бос и обнажен по пояс, и словно купался в свежем снегу. Но когда Анастасия перевела взгляд на его босые ноги, непроизвольно задрожав от подступившего озноба, ее сердце захолонуло – сначала от изумления, а потом от дикого восторга. Охотник, который носился по площадке, высоко подпрыгивал на ней, перекачиваясь голой спиной каждые несколько мгновений, не оставлял на ней ни одного следа! Он словно летал по ней, успевая разить невидимых врагов одного за другим! Вот он остановился, приняв картинно-красивую позу, и Соколова поняла – он увидел ее. И пошел к своему сараю. Теперь на свежем снегу отчетливо отпечатались его следы.

Свет не дошел до сарая и поднял голову кверху. Скоро и Соколова через двойное стекло услышала, как издали с небес накатывает гром. Это за ними летел вертолет. Когда она выскочила из дома, одетая по-зимнему, ее товарищи уже толпились на крыльце. Бросив взгляд в сторону сарая, она не увидела никого. А на маленькую площадку уже сел огромный вертолет, который никак не мог принадлежать той организации, где фраговал транспорт институт профессора Ображенского. В небе барражировало еще несколько вертолетов. Сколько именно, было не понять, поскольку шум доносился и за почерневшими, но устоявшими деревьями, которые окружали заимку.

А из вертолета уже высыпали какие-то военные с короткими автоматами. И первого из них огромная овчарка потащила на поводу в сторону сарая. Сердце девушки наполнила тревога, и она даже не заметила, как рядом остановился какой-то пожилой крепкий мужчина в воинском бушлате с меховым воротником, но без обязательных звезд в петлицах. Впрочем, скоро выяснилось, что их у него должно было быть по три на каждой стороне, и все большие. Это подсказал автоматчик с собакой, выскочивший из сарая очень быстро. И сам он, и пес имели весьма подавленный, даже виноватый вид.

Подскочив к начальнику – а именно этот человек рядом с Анастасией был сейчас главным – кинолог прибрал поближе к себе поводок, оттащив собаку, которая сунулась было к Соколовой, и доложил, бросив руку к шапке:

– Никого нет, товарищ полковник.

Тот перевел на него тяжелый взгляд с четверки людей, сбившейся на крыльце, и коротко скомандовал:

– Ищите. Он где-то здесь.

Боец убежал, чтобы присоединиться к остальным, действительно прочесывающим все вокруг вдоль и поперек. А пара самых шустрых заскочила в домик. Следом дернулись профессор с женой, но у двери их встретил еще один боец, который недвусмысленно повел в их сторону стволом какого необычного, никогда невиданного никем из четверки научных работников автомата. И Ображенский отступил; точнее отскочил к полковнику.

Тот оказался на удивление учтивым человеком, представился первым:

– Полковник Попцов, Олег Петрович, – он даже было поднял руку к полям несуществующей шляпы, потом посмотрел недоуменно на эту вскинувшуюся машинально ладонь и улыбнулся профессору, – а вы, я так понимаю, Ображенские Николай Петрович и Нина Михайловна.

– Совершенно верно, – чуть склонил голову профессор, – а это...

– Я знаю, – остановил его взмахом руки полковник неизвестно какой службы, – я знаю, с какой целью здесь ваша экспедиция, и в каком составе она сюда прибыла. А вот где еще один человек?

Было видно, что ему известно о необычном госте, который вчера так вовремя появился на заимке.

– Ему все о нас известно, – внезапно залилась краской Соколова, – может быть даже...

Ее взгляд метнулся к сеновалу, откуда опять вышел с обескураженной физиономией кинолог. Длинный поводок он на этот раз не укорачивал, и овчарка сунулась было к вертолету, застывшему посреди площадки темно-зеленой громадиной. Никто не смотрел сейчас на нее, и потому не заметил, как она остановилась, испуганно прижав к голове торчащие острые уши. Прямо перед ней оскалил страшную пасть громадный пес, невидимый, но реально существующий. Овчарка даже знала неведомо откуда, что он откликнулся на имя Волк, хотя настоящих волков этому зверю – подавай на каждый зуб по одному, он справится со всеми одновременно. Пес беззвучно рыкнул, и овчарка послушно вернулась к хозяину, всем своим видом показывая – она готова служить... в рамках, которые ей определил призрачный вожак. А внутри Ми-24 одобрительно улыбнулся Свет. В огромном салоне транспортного вертолета было много укромных мест, где мог легко спрятаться человек. Охотник прятался так, что мог видеть одновременно всю поляну. И прежде всего Весну... То есть Настю, и человека, вставшего перед ней. Того самого, понял Свет, что взял его след. И охотник вдруг хищно улыбнулся; он понял, кто будет оберегать его девушку и его будущего сына, пока он будет исполнять поручение Муромца. Государство – в лице этого человека. Свет довольно погладил рукой по сумке, которая сегодняшним ранним утром заметно полегчала, и оторвал от себя незримую нить, посылая ее в качестве первого подарка еще не рожденному сыну...

Полковник Попцов чувствовал, что то непонятное чувство, которое вело его за Светом вот уже несколько недель, заканчивается где-то на этой полянке. Только вот почему оно заканчивается на этой молодой девушке, которая вся – несмотря на недавний пожар, вертолет, выскочивших из него автоматчиков и самого полковника – светится от счастья. Может оно – это никак нескрываемое чувство – и перетянуло на себя нить, в которую Олег Петрович, несмотря на весь свой прагматизм, верил.

– Анастасия Васильевна Соколова, – вспомнил он, заглянув в лицо девушки.

Та кивнула.

– И где же сейчас тот молодой человек, с которым вы познакомились вчера?

Полковник начал задавать вопрос с нажимом, подавляющим волю собеседника – он это умел – но к концу фразы слова уже выглядели жалкими и молящими – может потому, что голову Попцова заполнила нестерпимая боль? Она словно предостерегала его – не лезь туда, куда тебе не положено по рангу. И полковник понял, кто этот ранг установил, и отступил от Соколовой, которая приняла совершенно неприступный вид.

А ответил полковнику профессор, шагнувший вместе с ним к длинному столу из тесаных досок, с которого дюжий спецназовец уже смахнул рукавом снег. А другие несли все имущество экспедиции. Профессора быстро оттерли за спину Попова, и он уже оттуда сообщил, что вчера на заимке действительно появился молодой человек назвавшийся Светом. Потом Обращенский возмущенно завопил, увидев, как спецназовец бесцеремонно сдирает бирку с печатью с первого брезентового мешка. Что-то членораздельное он прокричать так и не смог, в удивлении, а затем неприкрытым ужасом уставившись в содержимое мешка, высыпавшееся на мокрые доски. Земля из него тут же намочила и размазалась по столешнице тонким слоем грязи; к ней прилипли куски мха и какие-то веточки. А сверху из следующего мешка высыпался такой же таежный мусор – горка на столе быстро росла.

– Это он! – возопил Николай Петрович, – это он подменил! Поймите его, полковник, он иностранный агент!

Профессор вдохнул в грудь новую порцию воздуха и открыл рот для еще более страшных обвинений, но тут же заткнулся – не от толчка локтем собственной жены под дых, а от взгляда Соколовой, студентки четвертого курса, которая уставилась на него с презрением. Этот взгляд окончательно показал Обращенскому, что никаких инопланетных вкусов и прилагающихся к ним премий и почетных званий не будет. Потому он уже безмолвно смотрел, как бойцы

так же бесцеремонно распотрошили остальное имущество экспедиции, и принялись за личные вещи.

Эти сумки вытряхивали прямо на мерзлую землю, подстелив притащенный из вертолета кусок брезента. А под сумочку Соколовой полковник успел подстелить еще и какой-то платок. И его усилия того стоили. Потому что вместе со всякой мелочью, которую обычно хранят в таких сумочках молодые девушки (и зачем Настя только взяла ее в тайгу?) посыпались золотые монеты. Сверху на ошеломленных зрителей сверкнули два бриллиантовых прозрачных глаза. Попцов нисколько не сомневался, что бриллианты эти настоящие, да и экспертиза им предстояла самая тщательная. Но не поленился – нагнулся и взял их в руки. Ни в чем не виноватое стекло стало первым экспертом. Поперек стекла легла глубокая трещина, нарезанная драгоценным камнем. Второй должен был перечеркнуть небольшое стекло крестом, подобным Андреевскому, но в точке соединения двух линий стекло не выдержало нажима и с глухим треском лопнуло, роняя наземь острые осколки.

Олег Петрович отдернул руку, с которой быстро закапала кровь. Подскочивший уже с бинтом в руке спецназовец умело забинтовал палец. Сам Попцов никакой боли не чувствовал, потому что в голову заползала боль куда страшнее, и она – понял полковник – могла разрастись до немыслимых размеров. И он поспешно повернулся к девушке, которая не меньше других была удивлена кладом, который обнаружился в ее сумке. Впрочем, всем было понятно, кто подложил золото и эти камни, равных которым Олег Петрович не видел даже на экскурсии в Алмазный фонд Союза. Бриллианты легли на монеты, а Попцов, чувствуя, как с каждым словом уходит боль, поспешил заверить Соколову, что нисколько не сомневается в праве девушки на эти богатства.

– Анастасия Васильевна, – выпрямился он, деля внимания между двумя пронзительными взглядами – девушки, и пары бриллиантов, которые легли на золото исключительно удачно, образовав хищный прищур на горке монет, – такие ценности носить при себе очень... небезопасно. Если вы не возражаете, мы возьмем на себя труд перевезти их в безопасное место, оценим их там и выплатим полную стоимость монет. Гарантирую это от имени Комитета государственной безопасности.

Профессор Ображенский, сунувшийся было к нему с претензиями, тут же умолк, и каким-то невероятным образом спрятался за небольшой фигуркой жены.

– Бриллианты не отдам, – тут же заявила Анастасия, и полковник кивнул, чувствуя, как боль окончательно покинула виски.

Еще он вдруг подумал, что его слова сопровождал еще третий взгляд, и он медленно обвел взглядом поляну, и подступившие к нему черные обгорелые стволы деревьев.

– Этот Свет может сейчас стоять за любым деревом, – его взгляд скользнул по бронированному борту вертолета, в котором, конечно же, человеку было спрятаться негде, и опять остановился на Соколовой.

– Хорошо, – согласился он, – могу даже свести с опытным и... относительно честным ювелиром, который поможет вам вставить их в украшение, достойное вашей красоты.

Он тут же выматерился про себя за эти слова, которые сам никак не посчитал попыткой приударить за оказавшейся чудовищно богатой красавицей, и облегченно вздохнул, когда в голове раздался короткий смешок.

– Если конечно он не успел уехать в Израиль, – закончил полковник свое необычное предложение, – адрес ваш у нас есть, так что советую по приезду завести сберегательную книжку. Боюсь, что деньги, которые вам выплатит государство, в руках вы не унесете...

Вертолет тяжело оторвался от земли, унося вдаль галантного полковника с сокровищами и грязными мешками с землей, которые профессору тоже не оставили. В углу его огромного салона поскуливала овчарка.

– Расстраивается, наверное, – пояснил полковнику кинолог, – никогда такого не было, чтобы моя Джеська не взяла след человека. К тому же, такой свежий.

Совсем рядом усмехнулся Свет. Он как раз проводил зрением, неподвластным никому больше – по крайней мере, в этой винтокрылой машине – взлет ее меньшего собрата. Последним в Ми-8 запрыгнула прозрачная тень огромного седого пса...

Глава 41. Потрясатель Вселенной

Этот кусок кошмы не успело засыпать снегом. Свет видел вмятины от колен – словно кто-то совсем недавно бил здесь поклоны заснеженной степи, в которой скоро должен был разразиться буран. Первые порывы ветра уже метнули горсть снежинок на темный кусок сваленной овечьей шерсти. Охотник поспешил занять место того, кто занимался тут недавно попыткой волшбы. Потому что настоящее чародейство на Земле было возможно только в местах силы – естественных, или там, где ее упорно, каплю за каплей, намаливали люди. Таким был старый храм во Владимирской области. И таким его сделал в районе Подкаменной Тунгуски давний взрыв межзвездного корабля в сибирской тайге. А что здесь могла почувствовать девушка – уже понял Свет – обратившаяся с горячей молитвой к небу? Обратившаяся в полном одиночестве. Ведь на многие версты вокруг кроме нее, и Света, был еще только конек, который и привез монгольскую красавицу в эту глушь. Может, она молила прислать ей единственного, суженого?

– Люди почему-то сторонятся этой лощины, – кинул взгляд на недалекие горы Свет, одновременно отмечая, что конские яблоки совсем рядом уже почти не видны под снегом, – а может, она не к небу обращалась, а напротив, к земле?

Охотник устремился сознанием вниз и, пока ничего не произошло, вспомнил, как легко и непринужденно покинул вертолет – уже на территории режимной части. Этим полетом Свет сэкономил себе не меньше месяца времени. И хотя не знал еще, куда направится, в первую очередь необходимо было достичь обжитых мест. Что он и сделал – со всем возможным комфортом. А выбрать дальнейший путь помогла ему фраза полковника, которую он бросил в конце разговора с далеким абонентом в Москве. Разговаривал он посредством огромной трубки от громоздкого аппарата связи; разговаривал с немалым начальством – вон как подобрался весь. И голос заполнил почтительностью и немалым рвением.

– ...И еще, товарищ, генерал, – добавил он напоследок, обрисовав до этого всю эпопею на заимке, – если есть возможность, прикажите усилить границу. Есть такое чувство, что Свет попытается прорваться за кордон.

В ответ прозвучало невразумительное, что-то вроде: «Делать ему больше нечего, по границам мотаться. Он, и языков-то, наверное, не знает. Или у него с собой прибор инопланетный, мгновенно обучающий имеется?».

Такой прибор действительно существовал, вернее его когда-то в будущем изготовят, и Свет даже воспользуется его помощью... Точнее уже воспользовался, потому что языки действительно знал.

Границу он перешел темной беззвездной ночью. Неизвестно, усилили ее или нет, но службу пограничники несли очень ответственно. По крайней мере людей не пожалели – и наряды несли службу в пределах видимости друг друга. Казалось, никто и ничто не могло проскользнуть мимо бдительных стражей. Свет одобрительно улыбнулся, увидев, как стремительный полет небольшого ночного хищника проводили биноклями сразу два соседних наряда. Бинокли тут же метнулись вниз, но охотника, который как раз пересекал незримую советско-монгольскую границу, никто не увидел.

А дальше Свет особо и не скрывался. Он определил себе несколько прямых отрезков по наиболее безлюдным местам, которыми собирался пересечь всю страну до следующей границы – китайской. Там, в общем-то, его тоже никто не ждал. Зато где-то в центре густонаселенной страны располагался монастырь, где учился воинскому мастерству основатель Обители Дао. Уже в первый же день от него шарахнулся, уносясь в бескрайнюю степь, табун одичавших (так понадеялся Свет) лошадей. Молодая кобыла упала, пораженная стрелой, каких эти края не видели уже очень давно, и вопрос пропитания на ближайшие дни был решен. Он успел пройти первый отрезок пути; повернул южнее, и тут наткнулся на этот клочок кошмы.

Прежде, чем до него донеслись стоны людей – бесчисленного множества, погребенных здесь – охотник воочию увидел, как мимо проносится в первый, и во второй, и в третий раз гигантский табун, превращавший степь в безжизненное утопанное пространство. Это было даже не десятки – сотни лет назад. А потом – десятки табунщиков покорно подставили горла под сабли воинов усопшего Повелителя. И так – раз за разом, пока посвященных в тайну огромного захоронения не осталось всего несколько человек. Но и они унесли тайну с собой в могилу, только уже позже. Но цепочка не прервалась. Кто-то посвященный передавал ее по линии рода через века. И вот теперь – понял Свет – такой посвященный... Точнее, посвященная, пришла сюда, чтобы говорить с предками.

А большинство из них, даже ислев, продолжали корчиться в судорогах от непомерной тяжести – от многометрового слоя земли, от копыт бесчисленных коней, которые топтали и топтали их груди. А еще – от мрачной тяжести золота, которым была набита эта гигантская могила.

– Пожалуй, – прикинул Свет, – таких богатых захоронений больше на земле нет.

Перед ним уже вставала мрачная тень того, ради которого и была устроена семь с половиной веков назад это гекатомба. Чингизхан, Потрясатель Вселенной. Охотник поспешно поменял положения ног, чтобы повелитель, которому он никогда не поклонялся и не поклонится, не принял действительно эксперимент с примеркой коленок умчавшейся в степь девушки за поклон. Теперь он сидел, поджав ноги, как истинный степняк.

Темучин медленно опустил на него властный взгляд. Тень прошлого сверкнула глазами – ей пришлось стоять перед человеком, сидящим, как ни в чем не бывало. Свет усмехнулся, ничуть не пытаясь в чем-то уязвить бывшего властелина половины мира. Просто он знал существо, которое действительно могло потрясти вселенную; ну или хотя бы ее часть. Но при этом Звездный Странник вел себя так, чтобы не навредить даже случайно самому беззащитному существу. А на руках у человека, явившегося к нему из прошлого, и его воинов были кровь и страдания десятков, если не сотен тысяч человек.

Что-то Чингизхан понял в сверкнувшем ему навстречу блеске голубых глаз, потому что заговорил сразу с просящей ноткой в голосе:

– Ни я, ни мои потомки не дошли до последнего моря...

Свет кивнул – он знал, кто остановил татаро-монгольские полчища. Темучин продолжил.

– Тяжело лежать в земле, чувствуя, как тебя осыпают проклятиями поколение за поколением покоренные народы... А потом видеть, как твои правнуки и их потомки откатываются назад, в эти бесплодные степи.

Охотник опять пожал плечами: «Родину не выбирают. А если хочешь найти себе новую, прими ее такой, какая она есть. И принеси в нее благо и любовь. А что принес ты?».

Видно было, что Чингизхан хочет взять долгую паузу, чтобы дать ответ, достойный Повелителя. Но время, как оказалось, может поджимать и мертвых.

– Здесь сейчас была девушка, – чуть склонил гордую голову старый монгол, – это последняя из моих прямых потомков.

– Да их у тебя чуть ли не четверть миллиарда, – удивился Свет, почерпнувший этот факт в собственной голове.

– Это так, – еще ниже склонил голову старик, теперь ничем не напоминавший владыку мира, – но от меня и первой жены она осталась последней. А теперь за ней гонятся волки... Много волков. Я вижу все, что делается в степи, но изменить ничего не могу.

– Что же ты сразу не сказал, старый дурак? – вскочил на ноги Свет, – сколько времени зря потеряли.

Дуновение ветра, поднятого резким движением, развеяло тень Потрясателя Вселенной, и охотник так и не успел заметить, обиделся ли тот на «старого дурака». Подарок эвенка Шанягиря действительно пригодился. Охотник вбил ноги в крепления подбитых мехом лыж

и помчался навстречу бурану. Он уже не видел, как вполне материальная подстилка истаяла; одновременно в богатейшей со времен начала цивилизации могиле под головой мощей монгольского владыки оказалась простенькая кошма. Прижатая чудовищным грузом земли голова в золотом шлеме чуть шевельнулась; в окаменевшем мозгу промелькнуло далекое воспоминание – именно на такой кошме маленькому Темучину снились самые сладкие сны.

Охотник успел послать вдохнувшей горестно земле обещание:

– Когда-нибудь я обязательно вернусь, и освобожу тебя от тяжелого груза золота...

Свет окунулся в буран целиком, с головой и торчащим над плечом тубусом. Меч был уже в его руках. Он понял, что оружие скоро понадобится, когда наткнулся на полуобгрызенную тушу лошади. А вперед вела цепочка волчьих следов, под которыми даже ему было нелегко разглядеть след маленьких сапожек. Где-то совсем рядом раздался заунывный вой, перешедший в нетерпеливое хрипение, и Свет прибавил в скорости. Он практически летел, низко склонившись над землей и перебирая ногами так часто, как никогда в жизни. А впереди вдруг послышалось пение – торжественное пение монгольских батыров, прощающихся с жизнью в битве. Но пела этот гимн юная девушка, бесстрашно стоявшая на пригорке перед стаей волков.

Казалось, даже буран заслушался – по крайней мере, Свет видел сейчас и монголку, и волков очень отчетливо. Вот самому крупному из них надоело слушать человеческое пение, и он коротко взвыл, легко перекрыв его. А потом прыгнул вперед, метя прямо в незащищенное горло. И уже в полете столкнулся с чем-то жестким, непреодолимым. Он упал на снег и зло ощерился, но грозный рык не успел исторгнуться из волчьего горла, потому что даже в этой серости заканчивающегося дня ярко сверкнул клинок, и огромная голова зверя откатилась от скорчившегося в предсмертных судорогах тела.

Это была первая кровь, пролитая на снег. На охотника прыгнуло сразу несколько волков. Еще быстрее мелькнул меч, и серая мохнатая волна откатилась, чтобы накатиться почти сразу с еще большей яростью. Свету, в общем-то, ничего не грозило. Но на него сейчас смотрела с восхищением, и еще какими-то – не самыми последними у людей – чувствами юная красавица. Но вот и она вскрикнула – один волк подобрался сзади. В немыслимом прыжке Свет успел и смахнуть очередную волну хищников, и направить меч назад, за спину девушки. Но волка там не было. Трусливо поджав хвост, он отступал от огромной седой тени. Кровь на его плече показывала, что острые клыки призрачного пса могут быть очень даже материальными. Волк – тот, что присоединился тенью к своему хозяину, победно взвыл, и вслед за ним прямо в пасти последним живым хищникам что невразумительное, но очень обидное и пугающее выкрикнул Свет. Он сам не ожидал такого эффекта. Звери, только что беснующиеся в боевом аффекте, бросились врассыпную. Охотник рассмеялся:

– Надо было сразу крикнуть – тогда бы все остались живы.

Он без всякого удовольствия оглядел поле битвы, усеянное трупами волков разной степени расчленения, и повернулся к девушке. Так стояла, вся устремленная к Свету. Охотник едва расслышал слова на правильном монгольском языке – так с ним недавно говорил Чингисхан.

– Вот ты и пришел, мой герой.

Она тут же встрепенулась; вслед за ней и охотник услышал, как издали накатывает механический вой двигателя. Вынырнувший из бурана автомобиль вид имел очень необычный. Это был внедорожник, лишенный брезентового верха, а потому залепленный снегом во всех местах, где только было возможно. И двое человек, сидевших на переднем сидении, походили на Деда Мороза сильнее, чем их далекий финский коллега. Впрочем тот, что сидел на пассажирском кресле, легко выпрыгнул на землю, даже не открывая дверцы, и смахнул с себя килограммы снега.

Охотник удивленно заморгал – перед ним и девчонкой стояла точная копия Чингизхана. Словно тот все-таки не доверял до конца голубоглазому пришельцу, и решил проверить, как он

выполнил последнюю просьбу усопшего. Свет с гордостью огляделся – выполнил на отлично. А девушка с громким криком: «Дедушка!», – бросилась на грудь копии грозного владыки.

Тот не стесняясь плакал, глядя по непокрытой голове внучку.

– Гульча, – шептали старческие губы, – у меня же никого больше нет на этом свете. Ну почему ты уходишь в степь, никого не предупредив?

Тут его взгляд уперся в туши изрубленных волков, в снег, практически стаявший от потоков крови, и остановился на Свете. Но тот только пожал плечами. Меч уже был спрятан в ножах, а потом в тубусе, и весь вид охотника словно говорил:

– Ну подумаешь, помахал немножко...

Посреди огромной юрты стоял большой чан. Он был полон пенистым белым напитком и служил главным угощением сегодняшнего вечера. Кумыс – сброженное кобылье молоко – приятно охлаждал горло, в котором все горело от острых мясных блюд. Пользоваться вилками и ложками здесь не привыкли. Ну и почетный гость – Свет – очень быстро понял, что вот так, руками, иногда помогая себе куском лепешки, можно есть и быстро, и вкусно. Его не коробили звуки, с которыми кочевники шумно втягивали наваристый бульон из молодого барашка, горло которому перехватили прямо не глазах почетного гостя.

В юрте было достаточно тепло; в одном углу (какие углы в круглой юрте?) жарко тлела жаровня, в которую женщина, старавшаяся казаться неприметной, подкладывала что-то вроде древесного угля. Опыт у нее видимо был огромный, потому что даже Свет иногда с удивлением обнаруживал, как из-за его спины появляется рука за пустым блюдом, или напротив – с полным новым кушаньем. Разговоры тоже были; лишь две темы старательно обходили все – ту самую причину, по которой внучка хозяина оказалась одна в степи, и то, какие ветры привели туда охотника.

О том, куда держит путь, Свет заговорил сам. А Субудай – хозяин – владелец огромной отары овец, которых никто и никогда не считал, и табуна лошадей, благодаря которому Свет и остальные участники застолья наслаждались сейчас терпким вкусом кумыса, задумался совсем ненадолго. Вообще-то и отара и табун считались государственными, но все вокруг знали – никто не посмеет вмешаться в его распоряжения. Огромный кусок степи меж священными для каждого монгола Ононом и Керуленом был наследственным улусом старика. О том, кто этот улус когда-то основал, никто не заикался, хотя все об этом тоже знали.

– Граница с Китаем, говоришь, – блеснул глазами из-под почти отсутствующих бровей Субудай, – на лошади туда ехать долго, очень долго.

Рядом шевельнулся один из его племянников – единственный, кто прибыл на пир в военной форме. Свет в чинах монгольской армии не разбирался, но очевидно этот пожилой мужчина звание и должность имел немалую, потому что хозяин склонился в его сторону с большим почтением.

– Мы завтра молодое пополнение в пятисоткилометровый марш отправляем.

Свет вспомнил – что-то подобное было и в Советской Армии, в которую, быть может, уже попал Сашка Суворов.

– Точнее наоборот, – мысленно поправил себя охотник, – это монголы, скорее всего, скопировали свою по образу и подобию несокрушимой и легендарной.

А Субудай уже прикинул:

– До границы побольше пятисот километров будет, если они вообще в ту сторону поедут.

Племянник пожал плечами – мол все в руках неба и воинского командования, а командование в части – это он. Свет готов был хоть сейчас продолжить путешествие. Накормили его до отвала; интересной беседой угостили, а поспать он может и в кабине грузовика. Да кто бы его отпустил?! Старик повернулся к военному родственнику, и тот теперь развел руками, хитро блеснув зрачками в узком разрезе глаз:

– Раньше послезавтрашнего полудня выехать вряд ли получится.

Но Свет все-таки напросился в гости уже на завтрашний день – командир обещал дать ему опытного сержанта.

– Конечно, – добавил он с сомнением, – курс молодого бойца меньше, чем за два месяца трудно пройти, но...

Теперь уже хозяин зыркнул на него взглядом еще более узких глаз. Если бы полковник – а именно такое звание имел племянник – видел, что сотворил в степи их гость одним мечом, он бы не делал таких поспешных заявлений.

– Хорошо, – кивнул полковник, – завтра утром я пришлю за тобой машину с бойцом.

Свет предпочел бы уехать с ним прямо сейчас, но тут уж законы гостеприимства были неумолимы. Ему постелили в этой же юрте. Молчаливая женщина быстро убрала и дастархан, и все, что еще оставалось на нем. Взамен принесла кувшин и таз – для вечернего омовения, понял Свет. Он сейчас с теплотой вспомнил еще один шатер, и такие же похожие предметы вечернего туалета – еще там, в родном мире. Вспомнил и Халиду, свою первую женщину. Впрочем, его воспоминания прервали самым бесцеремонным образом. В юрту, оставив у порога на толстой кошке ичиги, шагнула наследница Потрясателя Вселенной. Свет только удивлялся, глядя, с какой милой непосредственностью Гульча – спасенная им девушка – распоряжается всем, что было в темной юрте. В том числе и им самим.

Охотник покорно подставил под тонкую струю теплой воды, которая лилась из узкого горла кувшина, спину, плечи и руки. Потом он решительно отобрал кувшин, и продолжил омовение сам. А Гульча отошла – не потому, что стеснялась обнаженного мужского тела, а за другим кувшином. Когда Свет закончил вытираться огромным полотенцем, пахнущим степными травами, девушка стояла рядом, такая же обнаженная. И теперь уже Свет, выплеснув за порог грязную воду, легко подхватил Гульчу, вздрогнувшую всем телом, и поставил ее, словно ребенка, прямо в пустую посудину. Теплая вода потекла по смуглому телу, которое пахло степью, совсем немного – лошаадьми, а самое главной – женщиной, жаждущей ласки мужчины.

Свет удивлялся самому себе – он тоже воспринимало действие, которое началось здесь, как должное.

– А может, это было предопределено, – мелькнула еще одна мысль, – в тот момент, когда я просил прощения у Весны; в том числе и за грядущие падения в бездну страсти.

Потом все мысли ушли, было только жаркое тело; покорное и в то же время уверенно ведущее его от одной вершины страсти к другой. Были стоны, и даже крики, которых Гульча явно стыдилась – поначалу. Потом ни она, ни Свет не обращали внимания на такие мелочи. Главное – им было хорошо вдвоем, в какой-то момент они стали одним целым. А над всем этим чистым праздником плоти снаружи толстой подкладки юрты опять бушевал буран. Словно хозяин этих мест – тот, кто был похоронен очень давно – сейчас был недоволен тем, что голубоглазый незнакомец бесцеремонно вторгся в жизнь его потомков, прерывая последнюю линию чистой крови...

Утро встретило охотника ярким солнцем, бодрящим морозцем и изумленным восхищением обитателей кочевья. Их было не так много – Свет насчитал всего шесть юрт, включая ту, в которой он недавно оставил сладко спящую Гульчу. И наверное все они высыпали наружу, чтобы посмотреть, как мастер Дао делает утреннюю разминку. Свет почувствовал, как подбадривавшие его крики разбудили девушку, как она, оставаясь невидимой, выглянула через полог юрты, и замерла там в восхищении. Но ни сейчас, ни потом, даже отъезжая в УАЗике – другом, крытым брезентовом верхом – он уже не увидел ее. Никакого обещания вернуться этой девушке он не давал, а она, скорее всего и не ждала этого. Хотя и послала вслед своему первому мужчине пожелания доброго пути, которое охотник воспринял как теплую волну, догнавшую машину, неторопливо приминавшую снег широкими колесами. Охотник послал в ответ не менее теплое прощание, вместе со словами:

– Свет, меня зовут Свет, и я буду помнить тебя, – к своему стыду охотник только сейчас подумал, что монголка за всю длинную ночь ни разу не назвала его по имени.

Зато он хорошо пополнил запас монгольских слов – в этом скупом на первый взгляд наречии оказалось удивительно много ласкательных эпитетов.

Охотник вдруг хлопнул несильно по локтю водителя. Воин с одной лычкой на погонах понял, послушно затормозил. Свет выскочил из кабины, и замер. Снег, хрустнув под подошвами сапог, тоже не нарушал больше тишины вокруг. Даже УАЗик, двигатель которого замолк без команды охотника, словно вслушивался в пространство. Но только охотнику здесь были подвластны пространство и время. Он почувствовал, что где-то далеко произошло событие, означавшее поворот в жизни огромной страны. И совсем недалеко от того скорбного места сейчас еще сладко спала, быть может досматривая очередной сон о голубоглазом пришельце, Настя Соколова...

– Ну и что с ней прикажешь делать? – генерал поднял глаза на Олега Петровича, и тот поразился.

В серых глазах начальника, всегда спокойных и невозмутимых, сейчас плескалось смятение. Полковник сглотнул комок, внезапно возникший в горле, кашлянул и ответил:

– Наблюдать, товарищ генерал. Выполнить свои обещания и наблюдать. И защищать, если понадобится.

– От кого?! – вопрос Сергей Николаевич задал излишне резко, но Попцов понял – эта резкость никакого отношения к предмету обсуждения не имела.

Чем-то генерал был озабочен сейчас значительно сильнее, чем судьбой Анастасии Соколовой, и даже вопросами поимки предполагаемого иномирца.

– Желаящие найдутся, – вытянулся еще сильнее перед столом начальника полковник, – вряд ли она долго сумеет держать в секрете, какая сумма у нее сейчас на сберкнижке. Да и камушки эти...

– Настоящие? – поднял к нему немного оживившееся лицо генерал.

– Самые настоящие, – подтвердил Олег Петрович, – ювелир, что сейчас готовит из них подвески, сказал, что... В общем, нам с вами, Сергей Николаевич, до конца службы даже на одну не заработать, при нашей зарплате.

– До конца службы..., – протянул генерал так тоскливо, что Попцов не выдержал, и спросил:

– Что-то случилось, Сергей Николаевич?

– Случилось, Олег Петрович, – кивнул генерал, – сегодня умер Леонид Ильич Брежнев...

Глава 42. Земная Обитель

Свет стоял очень долго, разглядывая высокие стены древнего монастыря. Еще он с теплотой вспоминал, с каким комфортом путешествовал по Монголии. Если не считать самых первых дней от границы Советского Союза. Племянник старого Субудая сразу же предоставил в его полное распоряжение стройного, и удивительно подвижного сержанта. Тот представился по имени – Денге – и на личного гостя командира части смотрел чуть ли не с обожанием. А Свет, к его огромному удивлению, попросил прожить вместе с ним один день обычного солдата.

– Только чтобы с настоящим оружием познакомиться успели, – добавил он.

И сержант, задумавшись на мгновение, решил:

– Тогда нам надо в разведроту.

Они ненадолго заскочили в ту роту, которая последние полтора года была домом для сержанта, и получили у высокого угрюмого монгола с лычками младшего сержанта обмундирование для Света. Здоровяк оказался опытным начальником ротной каптерки – форму менять не пришлось. А через пять минут они были уже на полосе препятствий. Первый взвод разведроты как раз преодолевал бесчисленные бревна, какие-то заборы, и многое иное, что обычные люди в повседневной жизни предпочитают просто обходить. Охотник мигом разделся по пояс, ощутив приятное покалывание легкого морозца. Оставив растерянного Денге с большей частью только что выданного, еще не обмятого обмундирования, Свет быстро догнал бойцов, и дальше уже подстроился под самого последнего из них – как оказалось, командира взвода.

Командир очевидно уже знал, кто сейчас бежит, чуть отставая от него. Он что-то крикнул вперед весело и одновременно зло, и взвод резко ускорился. Тут же многие стали падать, соскальзывая с покрытых наледью препятствий, и только Свет – к немалому удивлению командира – преодолевал их аккуратно и без огрехов. А когда круг закончился, командир махнул ему рукой – теперь ты впереди. И Свет, немного задумавшись, улыбнулся – показав на секундомер, цепочка от которого чуть свисала из нагрудного кармашка старшего лейтенанта. Он сейчас вспомнил тот давний урок, когда учитель Ли в первый раз показал юному ученику, что такое минута.

– И как много можно сделать за эту минуту, – подумал Свет, срываясь с места, как только командир взвода махнул рукой

Впрочем, охотник сейчас сдерживал себя; мировых рекордов по преодолению полосы препятствий – если такие кто-то фиксировал – он бить не собирался. А вот рекорд части был, об этом охотник успел узнать у того же лейтенанта. Вот этот рекорд он аккуратно и перекрыл на десять секунд. Но радоваться, или печалиться такому факту ни командиру, ни его бойцам Свет не дал – потащил к стрельбищу. Это был поистине день потрясений для разведывательной роты. Скоро и ротный командир, и все, кто мог себе это позволить, ходили все увеличивающейся толпой за охотником, и с восторгом наблюдали, как он изучает совершенно незнакомое ему оружие. Как делает потом пробные выстрелы, и поражает контрольные мишени – неизменно в десятку.

К обеденному перерыву Свету было нечему учиться. Он по достоинству оценил надежный АКМ; решил, что такой ему бы при случае не помешал.

– Хотя, – подумал он, – как говорил великий однофамилец Сашки-лесника: «Воюют не числом, а умением!».

На ближних расстояниях его лук со стрелами вполне мог поспорить в скорострельности и точности с автоматом. А вот на дальних дистанциях – где в этом мире властвовала снайперская винтовка...

– Ну, так можно подобраться и поближе, – успокоил себя Свет.

Потом был обед – в той части огромной столовой, где кормили офицеров. Конечно, этот обед не шел ни в какое сравнение с тем пиром, что вчера закатил хозяин степи, но все было вполне вкусно, а главное – питательно. Командир части нашел время, чтобы пообедать с гостем, и даже восхититься его воинскими навыками. А потом, помявшись, попросил охотника тоже поучить полковых разведчиков. Свет кивнул, хотя никогда еще не выступал в роли наставника. Но у него был хороший пример – мастер Ли. И охотник до самого ужина гонял солдат по ускоренному курсу Дао.

– Конечно, – усмехнулся он, – было бы лучше задержаться на те самые два месяца, но... кто захочет – продолжит.

В первую очередь – понял он – тот самый командир взвода, который не отходил от Света с горящими от нетерпения глазами. Свет невольно пожалел его подчиненных; их ждали нелегкие времена. Он опять вспомнил Сашку, а точнее генералиссимуса Суворова: «Тяжело в учении – легко в бою!»...

В здании Генерального штаба Народной освободительной армии Китая внешне все выглядело обычно. Но опытный взгляд сразу бы отметил и излишнюю нервозность офицеров, и их лица исполнительных вояк – сейчас они готовы были броситься по приказу еще старательней, чем обычно. А в кабинете начальника шло заседание. Долгая дискуссия привела к одному результату – повышенную боевую готовность решили пока не объявлять. А вот внеплановые учения рядом с границей с северным соседом должны были начаться уже через день. Этого всем показалось достаточным в ответ на заметное шевеление войск военного округа русских. Но тех можно было понять – скончался многолетний бессменный лидер партии и государства, и сейчас страна замерла в ожидании перемен. И в первую очередь, конечно, в ожидании нового лидера.

– Только вот почему это самое шевеление началось за неделю до смерти Брежнева, – еще раз попытался понять генерал Цзы, – неужели они уже знали, что произойдет? И почему тогда пограничники доложили, что действия сопредельной стороны были явно направлены внутрь собственной территории? Как будто советские пограничники получили приказ не выпустить кого-то из страны.

Последний из подчиненных, различающихся лишь звездами на погонах да неброскими орденовыми колодками, еще не покинул его огромный, обставленный строго по-деловому кабинет, когда на столе зазвонил телефон. Лицо генерала, обычно и так невозмутимое, сейчас стало походить на неживую маску. Словно один из руководителей службы безопасности государства мог следить за ним через телефонную трубку. Человек на другом конце провода не мог звонить по пустякам. Но сейчас лишь сообщил, что в Шаолинь зачем-то начали съезжаться настоятели других монастырей.

Генерал долго не отпускал трубку, тщетно пытаясь понять, зачем другой генерал, которого Цзы видел в форме лишь один раз, поделился с ним информацией, которая никак не могла относиться к компетенции Генерального штаба.

– Если только, – прошептал он, все-таки опуская трубку на место, – это не окажется звеном тех событий, что начались где-то на севере...

Монастырский комплекс был виден издалека. Свет подошел сюда пешком, пропустив несколько автомобилей. В двух грузовиках были видны солдаты, вооруженные все теми же автоматами Калашникова. Свет уже знал, что китайцы сами производят такое оружие; был даже наслышан об их неважном качестве. Это ему сообщил монгольский лейтенант-разведчик, когда вручал ему АКМ.

– Настоящий, советский, – сказал он, и это – как понял охотник – было похвалой в устах бывалого воина.

Но у самого монастыря оживления не наблюдалось, и Свет вышел из рощицы деревьев, породы которых он не знал, и знать, в общем-то, не желал – уже в парсийском костюме. Он не очень-то подходил глубинной провиции Китая Хэнань, но парадный славинский подходил еще меньше. Еще в его портфеле каким-то образом поместилась строгая официальная двойка, подогнанная по фигуре ковровской умелицей, и повседневная форма монгольского солдата – без всяких знаков различия. Но последнюю, которая наверное вызывала бы здесь наименьшее подозрение, он одевать не стал – предчувствовал впереди какие-то торжественные мероприятия.

Вход в южные «Горные ворота» защищали громадные каменные львы. Свет прошел равнодушных трехметровых хищников, и остановился перед следующими стражами – вечно смеющимся Буддой, который, казалось, был рад каждому гостю, и Вэйто, защитником буддистского учения. Последний должен был прогонять гостей, которые пришли со злыми намерениями. Но охотник пришел не как гость! Он был мастером Дао, а именно адептам этого учения принадлежали окружающие земли, когда еще ни о каких императорах никто не слышал.

Потому Свет не вошел в широко распахнутые ворота, где на него со снисходительной улыбкой смотрели два монаха в свободных одеяниях желтого цвета. Он шагнул в сторону – к камням, которые не то что говорили – кричали о своей древности. Их не захотели, или не смогли снести полторы тысячи лет назад, когда строили нынешний монастырь.

– Нет, – поправил себя охотник, – стены монастыря, сейчас гладкие, выкрашенные в праздничный красный цвет с позолотой, рушили и восстанавливали много раз. Но каждый раз в них оставался осколок прошлого – вот эта серая, совсем невзрачная стена, на которой едва можно было различить не менее древнюю дверь.

Охотник вспомнил, как в его голове отрывочно возникали короткие эпизоды беспримерного полета первого земного межзвездного корабля – прообраза Ноева ковчега. Одна такая остановка была именно здесь. И именно в эту калитку вышел мастер Дао с немногими послушниками, которых община послала нести свет учения в далекий мир.

Свет приложил ладонь с кольцом Дао к потемневшему за тысячи лет металлу и без всякого удивления услышал, как что-то сдвинулось в железном монолите, который, казалось, должен был давно истлеть ржавчиной. Зато удивленно вскрикнули монахи, когда он толкнул дверцу, и та, едва слышно скрипнув, открылась перед ним. Уже там, за воротами, Свет все-таки свернул к главному проходу, подмигнув двум сотням каменных монахов, что бесстрастно смотрели на него. Он прошел сквозь первый зал монастыря, слыша, как нарастает за его спиной шум. По обе стороны прохода на него взирали еще две фигуры, как понял Свет, военачальники, отличившиеся когда-то так, что Будда милостиво пустил их в одно из своих жилищ навечно. И они тоже охраняли покой монастыря и его обитателей. В следующий зал Свет вошел один. Образовавшаяся свита, почтительно сопровождавшая его, остановилась перед дверьми, которые, казалось, сами закрылись за спиной Света.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.